

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 7.

Воскресенье 14 февраля.

„Право“ издается в С.-Петербургъ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Калинка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Обычное право и народный духъ. Проф. Л. И. Петражицкаго. 2) Буква и разумъ закона. М. А. Лозина-Лозинскаго. 3) Изъ области судебныхъ ошибокъ. А. А. Левенстима. 4) Обзорніе практики гражд. касс. деп. Пр. Сената за 1897 г. 5) Письмо изъ Парижа. В. Б. 6) Некрологъ (В. И. Жуковскій). Н. П. Карабчевскаго. 7) Надгробное слово В. И. Жуковскому. В. Н. Герарда. 8) Надгробное слово В. И. Жуковскому. П. Г. Миронова. 9) Судебный отчетъ. 10) Хроника. 11) Юридическія общества. 12) Библиографія: I. Журн. Мин. Юст. 1-я кв. за 1899 г.; II. Уставъ угол. судопр. подъ редакціей П. Шрамченко, составленъ В. Ширковымъ. А. Фонъ-Резона.

13) Судебная и судебно-административная практика. 14) Справочный отдѣлъ.

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

Обычное право и народный духъ ¹⁾.

Историческая школа исходила при оцѣнкѣ обычнаго права изъ отношенія этого вида права къ народному духу. И мы на первомъ мѣстѣ обращаемся къ роли обычнаго права въ области духовной жизни, идеальной культуры человѣчества, въ особенности къ этическому значенію обычныхъ нормъ при условіяхъ современной культуры.

Теоріи исторической школы мы здѣсь противопоставляемъ положеніе:

Того принципиальнаго и абсолютнаго довѣрія, которымъ обычное право пользуется въ глазахъ исторической школы въ области вопроса о духовномъ развитіи народа, этотъ видъ права не заслуживаетъ. Напротивъ, безконтрольное довѣріе къ обычному праву въ этой области и бездѣйствіе законодательства было бы прегрѣшеніемъ противъ народнаго духа, несомнѣемымъ съ нравственнымъ и умственнымъ благосостояніемъ и прогрессомъ народа.

Основанія наши вкратцѣ слѣдующія:

1. Мы уже выше упомянули о патологическихъ общественныхъ явленіяхъ и такихъ же обычаяхъ. Возможны и часто встрѣчаются въ дѣйствительности такія нормы обычнаго права, которыя по своей интеллектуальной природѣ (воплощеніе невѣжества, суевѣрія...) или этическому характеру представляютъ болѣзненное и

вредное явленіе въ духовной жизни народа. При этомъ мы имѣемъ въ виду не тѣ юридическіе обычаи, которые свойственны низкому уровню умственнаго и нравственнаго развитія народа и которые намъ, оцѣнивающимъ ихъ съ точки зрѣнія понятій и идей болѣе высокой ступени культуры, представляются невѣжественными, суевѣрными или противными требованіямъ этики. Съ этой точки зрѣнія можно было бы отнестись абсолютно отрицательно не только къ такимъ нормамъ обычнаго права, которыя, напр., санкціонируютъ убіеніе лишнихъ дѣтей или старцевъ, сожженіе вдовъ, продажу женъ, рабство, кровавую месть и всякаго рода насилія и жестокости, безправіе иностранцевъ или людей низшихъ классовъ, и къ т. п. особенно поразительнымъ обычнымъ нормамъ низкой эпохи культуры, но ко всѣмъ или почти всѣмъ правовымъ обычаямъ соотвѣтственнаго культурнаго типа. Но такая точка зрѣнія была бы анти-историческою и не ее мы имѣемъ въ виду. Напротивъ, мы имѣемъ въ виду лишь тѣ нормы обычнаго права, которыя даже на, можетъ быть, весьма сѣромъ общемъ фонѣ духовной жизни народа являются все таки пятномъ, которыя не соотвѣтствуютъ общему, можетъ быть, весьма некультурному духу народа, являются лишь болѣзненнымъ отклоненіемъ и диссонансомъ. Напр., право первой ночи по отношенію къ крѣпостнымъ женщинамъ (*ius primae noctis*) наряду съ христіанскою религіею несомнѣнно представляетъ такое исключитель-

¹⁾ См. №№ 2 и 5, 1899 г.

ное и болѣзненное проявленіе эгоизма однихъ, униженіе и обиду другихъ, которое не можетъ быть сочтено, подобно кровавой мести и т. п., нормальнымъ явленіемъ данной ступени культуры.

Въ области подобныхъ отклоненій и съ точки зрѣнія общихъ посылокъ и требованій исторической школы возникаетъ обязанность для законодателя не относиться пассивно, а зорко наблюдать и не медля дѣйствовать, а это положеніе въ наше время нравственныхъ диссонансовъ и этической анархіи приобретаетъ особое значеніе. Въ частности проявляющееся все сильнѣе и сильнѣе въ разныхъ областяхъ жизни исключительное господство точки зрѣнія интересовъ и въ особенности денежной наживы, ведущее къ развитію весьма сомнительныхъ съ этической точки зрѣнія обычаевъ оборота и профессиональныхъ приѣмовъ, требуетъ частаго очистительнаго, такъ сказать, вмѣшательства закона.

Значеніе этого положенія усугубляется въ наше время еще тѣмъ, что при современномъ быстромъ развитіи разныхъ новыхъ родовъ дѣятельности, новыхъ профессій, новыхъ способовъ и приѣмовъ наживы—не успѣваютъ одновременно развиваться ограничительныя нормы, ставящія преграды для сомнительныхъ приѣмовъ; или же вслѣдствіе исключительнаго господства въ извѣстныхъ кругахъ точки зрѣнія наживы новыя профессіи сразу оказываются соединенными съ такими обычными приѣмами хозяйственно-юридической нормировки, которые заключаютъ въ себѣ источникъ деморализаціи и ведутъ къ беззастѣнчивой эксплуатаціи (рабочихъ, публики и т. д.).

2. Дальше и глубже въ смыслѣ несогласія съ ученіемъ исторической школы идетъ слѣдующее соображеніе, имѣющее, между прочимъ, особенно важное значеніе для правильнаго отношенія къ обычному праву въ Россіи.

По отношенію къ патриархальному, примитивному быту не безъ основанія можетъ быть рѣчь о единствѣ народнаго духа въ смыслѣ личности общаго и однообразнаго умственнаго и нравственнаго уровня и соответственной общности воззрѣній, въ томъ числѣ и правовыхъ, въ средѣ народа. Но условія развитія культуры новаго времени таковы, что здѣсь замѣчается большая или меньшая дифференціація; однѣ части народонаселенія различаются по своимъ обычаямъ и вообще по культурному уровню отъ другихъ. Эту дифференціацію, выражаясь терминомъ теоріи Спенсера, мы, вопреки существованію этой теоріи, не разсматриваемъ вовсе какъ нѣчто желательное, соответствующее задачамъ прогресса. Напротивъ, задача дальнѣйшаго развитія состоитъ въ устраненіи существующей рѣзкой противоположности, иными словами въ приобщеніи низшихъ классовъ къ тому уровню образованія и этическаго, эстетическаго и правового воспитанія, вообще къ

тѣмъ идеальнымъ, культурнымъ благамъ, обладаніе коими теперь отличаетъ отъ нихъ высшіе классы. Къ тому дѣло разными путями и идетъ въ дѣйствительности (ср., напр., законы о всеобщемъ обязательномъ обученіи, заботы правительствъ и обществъ о доставленіи народу разумныхъ эстетическихъ и умственныхъ развлеченій и т. д.).

Признаніе такой задачи не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію для всякаго благомыслящаго человѣка. Но оно является признаніемъ такой посылки, логическія послѣдствія которой противорѣчатъ ученію исторической школы и подтверждаютъ нашъ критическій отношенію къ обычному праву тезисъ. И при томъ здѣсь дѣло идетъ уже не объ отдѣльныхъ болѣзненныхъ правообразованіяхъ въ области обычаевъ, а о томъ общемъ уровнѣ обычнаго права, о томъ его общемъ характерѣ, который представляетъ само по себѣ естественное и нормальное явленіе, который соответствуетъ культурному уровню данныхъ слоевъ народонаселенія. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ темныхъ пятнахъ на общемъ фонѣ юридическаго быта, а о самомъ этомъ общемъ фонѣ, объ основахъ и характерѣ цѣлой системы обычныхъ нормъ.

Вытекающее изъ теоріи исторической школы требованіе оставленія въ дѣйствіи народныхъ юр. обычаевъ, воздержанія отъ законодательства, содержать въ себѣ слѣдующія (конечно, не сознанныя авторами теоріи) требованія:

- а) не приобщать народныхъ массъ къ высшимъ *правовымъ* культурнымъ благамъ;
- в) задерживать и уравненіе *обладанія* *прочими* культурными благами, напр., эстетическими, этическими и т. д.

Первое положеніе ясно само по себѣ, второе вытекаетъ изъ того, что право является основой общественной организаціи и оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на прочую культурную жизнь, такъ что его культурный уровень въ сильной степени опредѣляетъ развитіе (или застой) въ прочихъ областяхъ духовной жизни даннаго класса народонаселенія.

Мало того, неприкосновенность менѣе культурнаго обычнаго права народныхъ массъ не только противорѣчитъ требованію приобщенія этихъ массъ къ правовымъ благамъ высшаго культурнаго типа и поднятія культурнаго уровня вообще, но можетъ даже оказать вредное, въ частности деморализующее вліяніе на болѣе культурную часть народонаселенія. Для наглядности предположимъ, что, напр., въ какой-либо африканской или иной колоніи культурнаго народа среди некультурнаго во имя вѣровацій исторической школы оставлено въ дѣйствіи или даже заботливо охраняется въ своей неприкосновенности туземное обычное право, основанное на рабствѣ, содержащее въ себѣ примитивное уголовное право со всею его грубостью и жестокостью, освящающее и пред-

писывающее месть, самоуправство и насилие въ различныхъ формахъ и т. п. Ясно, что это повело бы къ огрубѣнiю нравовъ и пониженiю культурнаго уровня и цивилизованной части населенiя; въ частности и эта часть стала бы пользоваться рабствомъ для своихъ цѣлей, утратила бы въ значительной степени уваженiе къ человѣческой личности, какъ таковой, причулась бы обращаться съ ближними, какъ съ рабочимъ скотомъ и т. д. И при томъ это пониженiе культурнаго уровня имѣло бы болѣзненный, гнилостный характеръ, а не являлось бы только возвращенiемъ къ грубой и низкой, но самой по себѣ болѣе или менѣе здоровой, примитивной культурѣ. Конечно, не столь рѣзко и наглядно, какъ въ этомъ примѣрѣ, различiе культурнаго уровня интеллигентнаго класса и крестьянства въ Россiи. Тѣмъ не менѣе установленныя выше положенiя остаются пропорціонально правильными и здѣсь. Въ частности остается правильнымъ даже то положенiе, что естественный (вслѣдствiе болѣе низкаго общаго культурнаго уровня) сравнительно низшiй уровень правовыхъ обычаевъ крестьянства долженъ вести къ огрубѣнiю нравовъ и возрѣвнiю соприкасающихся съ ними болѣе культурныхъ классовъ. Такъ, напр., образованный помѣщикъ, вынесшiй изъ школы, литературы и т. д. такiя возрѣвнiя, съ которыми сѣченiе розгами за проступки, при томъ часто мелкiе и незначительные, а тѣмъ болѣе за чисто гражданскiя (по нашимъ возрѣвнiямъ) нарушенiя, за неплатежъ долга, за неявку на работу и т. д., несомнѣваемо, подвергается въ дѣлахъ съ крестьянами нерѣдко искушенiю воспользоваться этимъ „институтомъ“ для своихъ цѣлей. Точно также эгоистическiе интересы, практичность“ заставляютъ многихъ пользоваться безправiемъ жены по отношенiю къ мужу въ крестьянскомъ быту, властью мужа бить домохадцевъ и распоряжаться ихъ личностью, особыми, не соответствующими нашимъ понятiямъ о правосудii обыкновенiями волестныхъ судовъ, неразвитiемъ сознанiя достоинства личности и запрещенности насилiя надъ нею и т. п.

Если мы обратимся къ исторiи, то легко убѣдимся, что отношенiе исторической школы къ обычному праву анти-исторично: оно отрицаетъ или игнорируетъ тотъ факторъ, который игралъ постоянную и серьезную роль въ исторiи новой европейской культуры, ту силу, безъ могучаго дѣйствiя которой не создалась бы культура, плодами которой мы теперь пользуемся, забывая нерѣдко о ея происхожденiи. Безпримѣрно быстрый ростъ и богатый расцвѣтъ цивилизации среди варваровъ, которые разрушили римскую имперiю и наполнили своими ордами Европу, объясняются отнюдь не неприкосновеннымъ развитiемъ тѣхъ обычаевъ, которые были свойственны этимъ варварамъ-язычникамъ, а, напротивъ, искорене-

нiемъ ихъ обычаевъ, замѣною ихъ христiанскимъ законодательствомъ и насажденiемъ права болѣе культурнаго типа. Историческiе памятники этого перiода культуры рассказываютъ намъ о систематическомъ и упорномъ занятiи истребленiемъ языческихъ обычаевъ и суевѣрiй со стороны церкви и находившейся подъ ея руководствомъ свѣтской власти. Повидимому, дѣло идетъ главнымъ образомъ или исключительно о насажденiи христiанской вѣры, какъ таковой. Но на самомъ дѣлѣ подъ понятiе искореняемаго язычества подводилось все то, что тогдашнимъ представителямъ высшей культуры представлялось варварскимъ, некультурнымъ. Только однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ примѣровъ является упорная борьба противъ примитивнаго обычнаго права въ области нормировки половыхъ и семейственныхъ вообще отношенiй и введенiе новой основы общественной организации—христiанской моногамической семьи. Кровавая месть, взаимостреленiе родовъ, всевозможные виды насилiй, освещенные примитивнымъ обычнымъ правомъ, и т. п. тоже подвергались систематическому искорененiю со стороны церкви и государства, насаждавшихъ вообще право, соответствовавшее неизмѣримо высшему въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ миросозерпанiю, нежели то, которое свойственно было народнымъ массамъ. Такое насажденiе высшей культуры и высшаго права въ новой Европѣ путемъ болѣе или менѣе кореннаго устраненiя прежняго общеправового уклада произошло, такъ сказать, въ нѣсколько прiемовъ. Новѣйшимъ образцомъ грандиознаго триумфа законодательства надъ обычнымъ правомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ культурнаго свѣта надъ мракомъ является уничтоженiе сословно-феодальнаго общеправового строя, законодательное признанiе свободы лица и собственности, освобожденiе личности отъ тяжелыхъ и многообразныхъ узъ прежнихъ порядковъ. Впрочемъ, новѣйшiе шаги человѣчества по пути прогресса и культуры являютъ въ значительной степенi фактическимъ подтвержденiемъ для слѣдующаго, третьяго положенiя, которое, по нашему убѣжденiю, еще важнѣе для критики культурнаго значенiя обычнаго права, нежели предыдущiя ¹⁾.

3. Въ предыдущемъ разсужденiи мы предполагали, что обычное право по своему эти-

¹⁾ Въ предыдущихъ замѣчанiяхъ не содержится утвержденiе, что право высшаго культурнаго типа должно насаждаться путемъ радикальнаго и внезапнаго устраненiя менѣе культурнаго обычнаго права. Въ нижеслѣдующихъ замѣчанiяхъ о коности обычнаго права не содержится утвержденiе, что сила инерции, свойственная обычаю, даетъ основанiе для абсолютнаго осужденiя этого рода права. Объ этихъ вопросахъ будетъ идти рѣчь ниже, въ продолженiи этихъ этюдовъ. До окончанiя ихъ подобныя выводы, а тѣмъ болѣе какiе либо отрицательные выводы относительно нашего взгляда на цѣнность изученiя обычнаго права, были бы преждевременны.

ческому и вообще культурному содержанию стоит не ниже той духовной атмосферы, среди которой оно действует.

Наше требование критического отношения къ обычному праву и эвентуального воздействия законодательства исходило изъ наличности разныхъ слоевъ народонаселения различнаго культурнаго уровня и требованія приобщенія тѣхъ, которые лишены высшихъ культурныхъ благъ, къ обладанію этими благами.

Но теперь мы идемъ дальше и должны установить такое положеніе, которое, въ случаѣ его правильности, поражаетъ ученіе исторической школы въ его основахъ, въ самой исходной точкѣ и при томъ имѣетъ болѣе универсальное значеніе, въ частности относится и къ тому случаю, когда разные части народа находятся на одинаковомъ культурномъ уровнѣ, а въ случаѣ наличности различія въ этомъ отношеніи, остается вообще правильнымъ по отношенію къ обычному праву всѣхъ классовъ, и наиболѣе культурныхъ.

Основное и исходное положеніе исторической школы состоитъ въ томъ, что обычное право является вѣрнымъ выраженіемъ народнаго духа, измѣняющимся вмѣстѣ съ измѣненіемъ духовной жизни народа, ея потребностей и возрѣній. Обычай есть не что иное, какъ внѣшнее выраженіе внутренняго чувства, убѣжденія, внѣшнее соблюденіе внутренняго требованія. Отсюда чуткость обычнаго права въ отличіе отъ закона къ развитію народнаго духа, его замѣчательная подвижность и гибкость, способность даже въ тонкихъ оттѣнкахъ примѣняться къ новымъ потребностямъ и возрѣніямъ. Это признаетъ и даже краснорѣчиво описываетъ и Герингъ ¹⁾, который лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи противопоставляетъ этому преимуществу обычнаго права свою, изложенную нами выше, „практическую“ теорію превосходства закона, „такой выигрышъ (происходящій именно вслѣдствіе „отдѣленія права отъ народнаго правового чувства“, отъ замѣны обычая въ законами), который несоизмѣримо превосходитъ „нѣкоторую потерю, состоящую въ лишеніи права его гибкости и подвижности“.

¹⁾ Geist d. R. K. II § 25. „Прежде (при господствѣ обычнаго права) право и субъективное чувство представляли вѣчто единое. Теперь (при появленіи закона) они разъединяются; на мѣсто субъективно-внутренняго вступаетъ нѣчто объективно-внѣшнее. Не то теперь право, что живетъ въ сердцѣ субъекта, а мертвая буква. Прежде существовало единство права и жизни; съ измѣненіемъ жизни измѣнялось и приспособлялось и право; право никогда не отставало отъ духа времени, никогда не находилось въ противорѣчій съ потребностями жизни. Появленіе закона означаетъ прекращеніе этого единства. Право не находится уже болѣе въ средѣ жизни и не движется впередъ вмѣстѣ съ нею, а стоитъ внѣ ея неподвижно, предъявляя къ ней свои требованія извнѣ. Законъ застываетъ уже въ моментъ его начертанія, между тѣмъ какъ жизнь безпрестанно движется, и тѣмъ не менѣе она должна подчиняться мертвой буквѣ прошлаго времени“.

Но эта теорія гибкости и подвижности обычнаго права какъ разъ противоположна истинѣ. Типичнымъ свойствомъ обычнаго права слѣдуетъ признать именно косность и неподвижность, способность не поспѣвать за развитіемъ народнаго духа, а отставать отъ него и стѣснятъ его свободное движеніе своею силою инерціи; точно также какъ не неопредѣленность, а, напротивъ, рѣзкая и мелочная опредѣленность шаблона является дѣйствительнымъ свойствомъ обычнаго права.

На самомъ дѣлѣ какъ аргументы прежнихъ и теперешнихъ представителей исторической школы, такъ и разсужденія Геринга о „нѣкоторомъ“ достоинствѣ и полной практической негодности обычнаго права и несравненномъ превосходствѣ закона вытекаютъ изъ принципиально ошибочныхъ посылокъ, вытекающихъ въ свою очередь изъ смѣшенія понятій. Разсужденія эти не исходятъ изъ познанія обычнаго права, изъ знакомства съ его существомъ и дѣйствительными свойствами; они, можно сказать, не направлены вовсе по адресу обычнаго права и его не касаются, хотя на словахъ дѣло идетъ объ „обычномъ правѣ“. На самомъ дѣлѣ эти разсужденія мыслимы и имѣютъ научный смыслъ не по адресу обычнаго права и даже вообще не по адресу какого бы то ни было изъ видовъ позитивнаго права, а только по адресу не-позитивнаго—интуитивнаго права ¹⁾.

Несомнѣнный психологическій фактъ, что мы часто признаемъ и удовлетворяемъ права другихъ или приписываемъ себѣ права, и наши притязанія безпрекословно исполняются со стороны другихъ—не на основаніи внѣшняго авторитета закона или установившагося обычая, а просто въ силу непосредственнаго убѣжденія, что такія то правопритязанія основательны, справедливы, независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ авторитетовъ или даже вопреки имъ—мы дѣйствуемъ въ этихъ случаяхъ не на основаніи внѣшне-установленнаго, позитивнаго права, а на основаніи автономныхъ правовыхъ убѣжденій, подсказываемыхъ собственно непосредственно интуиціей („правовымъ чувствомъ“, „правосознаніемъ“) каждаго. Независимыя отъ внѣшняго авторитета, автономныя нормативныя убѣжденія, поскольку они обладаютъ извѣстными признаками, заставляющими ихъ отнести къ типу правовыхъ (ср. указанную выше статью), мы признаемъ правомъ и называемъ такое право интуитивнымъ.

Вотъ это интуитивное право дѣйствительно гибко и измѣнчиво, оно не представляетъ чего то застывшаго въ прошломъ и оказывающаго своимъ авторитетомъ давленіе на настоящее, на измѣнившіяся возрѣнія и т. д.; ибо интуитивныя правовыя нормы именно являются „жи-

¹⁾ Ср. „Вѣстникъ Права“ № 1, 1899 г., статью: „Что такое право?“

выми“, измѣняющимися сообразно съ измѣненіемъ духа времени и нашихъ воззрѣній нормами.

Но согласованіе внѣшняго поведения съ такими интуитивными нормами представляетъ именно соблюденіе, дѣйствіе и проявленіе интуитивнаго права, а отнюдь не позитивнаго, хотя бы такое соблюденіе было весьма часто и однообразно. Подчиняя нашу волю и наше поведение такимъ нашимъ убѣжденіямъ, мы повинемся и покоряемся не обычаю или закону (хотя, можетъ быть, и законъ предписываетъ такое же поведение), а именно нашему интуитивному праву. Наблюденіе внѣшняго соблюденія такихъ убѣжденій, т. е. дѣйствія интуитивнаго права, не даетъ намъ познанія существа, дѣйствія и достоинствъ или недостатковъ обычнаго права.

Для познанія дѣйствія обычнаго права и его пользы или вреда слѣдуетъ обратиться къ наблюденію и изученію другого, тоже психическаго и тоже несомнѣннаго факта, явленія особенно распространеннаго на примитивныхъ ступеняхъ культуры, но не исчезнувшаго и теперь.

Часто люди подчиняются авторитету установившагося обычнаго порядка, особенно стараго, обвященнаго вѣками обычая. Такъ поступали наши отцы, наши дѣды—авторитетный и досточестный аргументъ для регулированія поведения; „такъ пошло есть“, „такова старая пошлина“, какъ выражаются старинные сборники права. Авторитетъ стариннаго обычая представляетъ особаго рода психическую и при томъ не малую силу (*Consuetudinis ususque longaevis non vilis auctoritas est*¹⁾). Укоренившійся старый обычай соблюдается какъ законъ, и такое право есть обычное право, право обычаевъ предковъ (*Inveterata consuetudo pro lege non immerito custoditur, et hoc est jus, quod dicitur moribus constitutum*²⁾). Это право обладаетъ такимъ авторитетомъ и такою несомнѣнностью, такою доказательностью, что не зачѣмъ его и записывать (*Immo magnae auctoritatis hoc jus habetur, quod in tantum probatum est, ut non fuerit necesse scripto id comprehendere*³⁾). Вотъ въ этихъ изреченіяхъ дѣйствительно видно пониманіе существа обычнаго права. Древній юристъ Павель, авторъ послѣдняго изъ приведенныхъ изреченій, былъ бы весьма удивленъ, если бы онъ услышалъ разсужденія Геринга о томъ, что обычное право, съ одной стороны, гибко и измѣнчиво, не представляетъ нѣчто старое, застывшее, какъ законъ, а отражаетъ новыя воззрѣнія и убѣжденія, но что, съ другой стороны, оно негодно, какъ право, ибо его нельзя констатировать и доказать, такъ что трудно выиграть процессъ. Онъ бы несомнѣнно сказалъ, какъ и мы это

утверждаемъ, что эти разсужденія только по недоразумѣнію, по незнанію обычнаго права, высказываются относительно *jus moribus constitutum*. Психологія обычнаго права совсѣмъ иная. Правовая сила его, его нормативный авторитетъ вовсе не зависитъ отъ нашихъ непосредственныхъ чувствъ и убѣжденій, отражающихъ новыя теченія жизни и новыя вѣянія; напротивъ, чѣмъ стариннѣе обычай, тѣмъ больше *ceteris paribus* его авторитетъ, чѣмъ крѣпче онъ застылъ въ прошломъ, тѣмъ сильнѣе онъ давитъ на настоящее, подчиняя себѣ несогласныхъ, думающихъ уже иначе, но безсильныхъ противъ установившагося порядка людей. Нормы обычнаго права являются не подвижными волнами текущей жизни, а неподвижной гранитной скалой древней формации среди валовъ появляющихся и текущихъ волнъ—измѣнчивыхъ интуитивныхъ нормъ, новыхъ чувствъ и убѣжденій. Текущая волна новыхъ жизненныхъ теченій и убѣжденій могутъ своимъ медленнымъ, но постояннымъ дѣйствіемъ подмыть эту скалу. Иногда интуитивное право, вслѣдствіе желѣзнаго сопротивленія стараго обычнаго порядка, достигаетъ такого сгущенія, его стремленіе найти себѣ выходъ достигаетъ такой интенсивности, что происходитъ взрывъ, превращающій гранитную скалу въ дребезги, но *только* недоразумѣніе заключается въ теоріи, выдающей въ обычномъ правѣ именно воплощеніе элемента гибкости, подвижности, новизны, чуткости къ новымъ вѣяніямъ и запросамъ. Господство обычнаго права означаетъ не господство новаго и живого надъ старымъ и застывшимъ, а какъ разъ напротивъ, господство старины. Такъ, т. е. „старинною“ его и называли тѣ, которые дѣйствительно были знакомы съ нимъ и сами чувствовали его силу и авторитетъ, а не разсуждали о предметахъ, ничего общаго съ обычнымъ правомъ не имѣющихъ.

„А намѣстникомъ великаго князя и тиуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ“¹⁾.

„А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ на сто верстъ по старинѣ“ (ст. 23 тамъ же).

„А о иныхъ дѣлѣхъ срокъ по старинѣ“ (ст. 24 тамъ же) и т. д.

...въ книги написати по старинѣ; а пошлина пятенцикомъ имати по старинѣ же (Судебникъ 1550 г. ст. 94).

... а судити твоему намѣстнику по Новгородской старинѣ (Договоръ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV. 1470 г. ст. 1).

А дворецкому твоему жити на Городищѣ на дворцѣ, по Новгородской пошлинѣ; а дворецкому твоему пошрины продавати съ посадникомъ Новгородскимъ по старинѣ съ Петрова дни (ст. 2 тамъ же²⁾).

То же, т. е. старину, выражаютъ и другія

¹⁾ L. 2 C. quae sit longa consuetudo 8,52.

²⁾ L. 32 § 1. D. de legibus 1,3.

³⁾ L. 36 eod.

¹⁾ Новгородская судная грамота, ст. 3.

²⁾ Ср. ст. 5, 6, 8, 11, 17, 18, 21, 24, 26, 29 тамъ же.

названия „обычного права“ (терминъ юриспруденціи, а не выраженіе народнаго языка): пошлина, поконъ, законъ (слово „законъ“ первоначально означало старый обычай) и т. п. При чемъ памятники обыкновенно не довольствуются этими выраженіями, уже обозначающими старину, а добавляютъ еще усиливающие этотъ смыслъ эпитеты: старая пошлина, старый законъ, „законы отецъ своихъ и преданія“, „по закону и по покону языка нашего“ и т. п.

И теперешнія выраженія „обычное право“, *Gewohnheitsrecht* (право привычки), *droit coutumier* и т. п. должны были бы возбудить скептицизмъ по адресу обыденнаго ученія объ измѣнчивости и гибкости обычного права. Ибо уже эти выраженія говорятъ о ксности, о неизмѣнчивости этого вида нормъ. Но юридическіе и прочіе историческіе памятники, поскольку они пользуются выраженіями, обозначающими „привычку“, „обычай“ и т. п. для обозначенія обычного права, почти всегда добавляютъ усугубляющій эпитетъ. Такъ, напр., славянскіе памятники говорятъ не объ „обычаѣ“ просто, а о „старомъ обычаѣ“, „давнемъ обычаѣ“ или даже „стародавнемъ обычаѣ“¹⁾. Безъ такихъ эпитетовъ слово обычай встрѣчается, по нашимъ наблюденіямъ, въ старыхъ славянскихъ памятникахъ для обозначенія обычного права лишь въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ о законодательномъ искорененіи, „обращеніи ниво что“ вредныхъ юр. обычаевъ²⁾.

Точно также римскіе юристы не говорятъ о *consuetudo* просто, а обыкновенно для характеристики обычного права пользуются выраженіями: *inveterata consuetudo, longa, longaeva, diuturna consuetudo, consuetudo ususque longaevus* или даже *perpetua consuetudo*³⁾. То же относится къ юр. памятникамъ другихъ

¹⁾ Ср., напр., Литовскій статутъ, Роздѣль III, ст. 4 подъ заглавіемъ: „Врады стары маюť захованы быти подле давняго обычаю“ (врадовъ своихъ уживати подле давняго обычаю); тамъ же VI, 1 (тогда тое право маѣт сужоно быти водле старого обычаю); тамъ же ст. 37 (водлугъ стародавнаго обычаю). Ср. Законникъ общи Црногорски и Врѣдски 1798 г. Четвернаесто (14): „да се имаю судити по староме обычаю“ и т. п. (Приводимые здѣсь славянскіе памятники цитируемъ по Jireček, *Svod zakonuv slovanskych*).

²⁾ Ср. Статутъ короля Владислава II, данный Литвѣ 1420—1423 г. ст. 1. „Недобрый обычай былъ... присяги межи ими были и шкоды, а тежъ нелюдными причинами откладали. Хотячи то отложити...“; ст. 3: „Откладаемъ шkodливый обычай, штожъ наши подданныи держалися досполного обычаю“ (отбѣняемъ вредный обычай)—и т. д. въ томъ же духѣ. Впрочемъ, и въ этомъ законод. памятникѣ, специально посвященномъ искорененію „шkodливыхъ обычаевъ“ встрѣчается слово обычай и въ связи со своимъ обычнымъ спутникомъ, словомъ „старый“; ст. 13: „Изъ обычая права... старого такъ бывало... Мы уставляемъ“.

³⁾ Ср. l. 6 D. *quod cujusc. un. 3, 4* (nisi lex municipii vel perpetua consuetudo prohibeat).

народовъ, написанныхъ по латыни¹⁾ и т. д.

Поэтому установленіе обычая никогда не приписывается памятниками современному поколѣнію, а всегда предкамъ (*mores majorum*, законы отецъ и преданія и т. п.). Поэтому и знаніе обычного права приобрѣтается путемъ наслѣдства, путемъ преданія, перехода отъ стариковъ, отцовъ, дѣдовъ, предковъ къ молодымъ и теперешнему поколѣнію²⁾.

Поэтому, дагѣе, обычное право, особенно формальности и обряды обычного права, даже новаго времени, цѣнны для археологовъ чело-вѣческой культуры, для историковъ древнѣйшихъ временъ, примитивной, даже „до-исторической“ эпохи культуры. Ибо въ нихъ находится окаменѣлости антидедувальной періода изъ области психики чело-вѣческой.

Слѣдуетъ утверждать, что, напр., въ нѣкоторыхъ юр. обычаяхъ, которые можно еще теперь наблюдать въ деревенской жизни, но также, напр., и на нижегородской ярмаркѣ, содержатся переживанія эпохи людоубства и употребленія крови чело-вѣческой при заключеніи юр. сдѣлокъ. Въ нѣкоторыхъ современныхъ обычаяхъ семейнаго права содержатся переживанія языческой эпохи, эпохи похищенія женщинъ, эпохи покупокъ женъ, эпохи заключеній брака не брачующимися, а ихъ владыками и т. п. Находясь въ застѣданіи корпораціи нѣмецкихъ студентовъ, мы находимся главнымъ образомъ въ сферѣ психики среднихъ вѣковъ. Но можно здѣсь найти и болѣе древнія окаменѣлости, въ частности изъ языческой эпохи, и даже изъ эпохи анимизма и канибализма. Удивительною ксностью обычаевъ, ихъ способностью передавать чрезъ сотни и тысячи лѣтъ новому времени окаменѣлые продукты примитивной, древнѣйшей психики объясняется то явленіе, что истинное обычное право (а не тѣ явленія, о которыхъ по недоразумѣнію разсуждаютъ современные теоретики обычного права) въ значительной степени является для самихъ соблюдающихъ или наблюдающихъ эти обычаи непонятнымъ. *Non omnium, quae a majoribus constituta sunt, ratio reddi potest*—положеніе, особенно оправдывающееся въ области обычаевъ вообще и обычного права въ частности. И не только для соблюдающихъ, но и для науки многіе обычаи еще непонятны, ибо для

¹⁾ Ср., напр., чешскій памятникъ *Statuta Ducis Ottonis § 20* (et antiquae consuetudines conserventur). Ср., впрочемъ, *Statuta Wislicensia I, 55*: *Abusiva consuetudine noscitur esse observatum... Unde nos eandem consuetudinem reprobantes, statuimus...; 63 eodem* (*Consuetudine iniquissima ministerialium*); но тамъ же ст. 57 читаемъ: *Licet antiquitus fuerit observatum...*

²⁾ Ср., напр., хорватскій *Statut Vinodolski. 1289*, введеніе: *Jzbraše se od vsakoga grada Vinodolskoga ne vse starijšij na vkup... da se bolje spominjahu v zakonih svojih otac, i od svojih ded ča bihu slišali... da bi vse dobre stare izkušene zakone u Vinodolućinili položiti v pisma, od kih bi se mogli spomenuti ili slišati od svojih atac u ded zgora-rečenih; дагѣе еще повторяется: ke budu zdola pisane, vola ke su slišali od svojih stariih и т. д.*

растолкованія ихъ часто необходимо знать жизнь и воззрѣнія отдаленнѣйшихъ предковъ, отъ которыхъ до насъ не дошло не только никакихъ законовъ, но вообще никакихъ письменныхъ памятниковъ. И при томъ, чѣмъ болѣе данный обычай чуждъ пониманію соблюдающихъ, тѣмъ онъ точнѣе и неуклоннѣе соблюдается; древніе предки, понимавшіе смыслъ обычая, могли дѣлать разныя отступленія сообразно обстоятельствамъ; ихъ же потомки, унаслѣдовавшіе самъ обычай, но не пониманіе его смысла, боятся сдѣлать малѣйшее отступленіе, ибо они не знаютъ, что важно въ данномъ обычаѣ, и приписываютъ одинаковую важность и святость всякой мелкой подробности. Непонятность обычая и незапамятная древность его ведутъ обыкновенно къ тому, что установленіе его приписывается богамъ. Религіозная санкція въ свою очередь способствуетъ окаменѣнію обычая, дающему ему возможность неизбежно существовать и соблюдаться въ мельчайшихъ подробностяхъ въ теченіе многихъ дальнѣйшихъ рядовъ поколѣній. Но то же явленіе наблюдается и въ тѣхъ областяхъ, напр., въ области обычаевъ сравнительно недавняго происхожденія, гдѣ нѣтъ религіозной санкціи. Опять напомнимъ обычаи нѣмецкихъ студентовъ, которые не пользуются вниманіемъ ученыхъ юристовъ и не служатъ основой для судебныхъ рѣшеній, но тѣмъ не менѣе представляютъ вообще прекрасный матеріалъ для ознакомленія съ существомъ обычнаго права, гораздо лучший матеріалъ, чѣмъ то обычное право, существованіе и дѣйствіе котораго по недоразумѣнію фингируется ученой юриспруденціей или закономъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Иностранцы коллеги, допущенные въ засѣданія корпораціи, наблюдавшіе обряды дуэлей и т. д., удивляются, недоумѣваютъ и насмѣхаются надъ этими обычаями (въ слѣдствіе непониманія ихъ смысла). Сами же бурши и фуксы исполняютъ все такъ, какъ исполняются непонятныя, но тѣмъ болѣе священные религіозныя обряды.

Въ случаѣ, если обычай въ слѣдствіе религіозной санкціи или помимо ея достигаютъ такой степени крѣпости, что не поддаются совѣмъ или почти совѣмъ дѣйствію времени и представляютъ не отдѣльные обломки и переживанія прежнихъ эпохъ среди новаго теченія жизни, а цѣлую обширную окаменѣлую систему, желѣзную сѣть, опутывающую весь общественный организмъ, то можетъ оправдаться то положеніе, изъ котораго исходятъ теоретики обычнаго права, а именно положеніе о согласіи обычнаго права съ народнымъ духомъ, но только не тѣмъ путемъ, что обычное право чутко и быстро послѣдуетъ за развитіемъ народнаго духа, а обратнымъ путемъ—въ слѣдствіе того, что подавляется и останавливается развитіе народнаго духа, что желѣзная сѣть установившихся обычныхъ порядковъ не оставляетъ никакого простора для свободнаго движенія и

прогресса духа, что она порождаетъ отупѣніе, полную апатію и застой въ интеллектуальной и моральной жизни народа. Здѣсь мы рекомендуемъ вниманію принципиальныхъ поклонниковъ обычнаго права современный Китай. Впрочемъ, исторія, да и современное состояніе человечества на довольно значительной части поверхности земного шара, даетъ намъ массу примѣровъ, содержащихъ въ себѣ фактическія подтвержденія установленнаго выше положенія. Въмѣсто накопленія примѣровъ государствъ, погибшихъ въ слѣдствіе невозможности самостоятельнаго освобожденія отъ окаменѣвшаго обычнаго права, вспомнимъ здѣсь только одинъ весьма извѣстный институтъ обычнаго права, одно упоминаніе котораго наведетъ желающихъ проиллюстрировать подробную историческую провѣрку нашихъ положеній на путь весьма обильныхъ и ясныхъ подтвержденій нашей теоріи косности обычнаго права. Мы имѣемъ въ виду институтъ кастъ, такой институтъ, между прочимъ, который по самой природѣ своей представляется особенно типичнымъ образцомъ обычнаго правообразованія, ибо учрежденіе этого института путемъ закона немыслимо, точно также какъ немыслимо путемъ закона, а возможно лишь путемъ обычая закрѣпленіе одной части народонаселенія (часто преобладающей по числу) въ рабство другой.

Для болѣе обильнаго накопленія матеріала изслѣдованія обычнаго права слѣдуетъ, замѣтимъ еще, принимать во вниманіе, что нормы, заключающіяся въ писанныхъ сборникахъ права, или изустныя преданія, называемыя законами и приписываемыя разнымъ древнимъ законодателямъ, напр., царямъ, калифамъ, пророкамъ, героямъ, великимъ жрецамъ или самимъ богамъ, часто представляютъ исключительно или главнымъ образомъ плоды обычнаго правообразованія. Такъ напр., основы мусульманскаго права, весьма прочно охватывающія народный организмъ и „духъ“ и, повидимому, исключаяющія возможность болѣе или менѣе существенныхъ реформъ, осуждающія Турцію и другіе мусульманскія государства на косность, неподвижность и, въ концѣ-концовъ, вѣроятно, на гибель при столкновеніи съ иными, не лишенными возможности прогресса, народами, представляютъ не менѣе поразительную иллюстрацію къ теоріи гибкости и подвижности обычнаго права. Народный духъ еврейской націи также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стѣсненъ въ своемъ развитіи и терпитъ разнообразныя искаженія въ слѣдствіе наличности окаменѣлостей обычнаго происхожденія (подчасъ древнѣйшихъ эпохъ культуры), противъ инертной силы коихъ безсильны бороться отдѣльные индивиды и передовыя группы, тѣмъ болѣе, что по роковому стеченію обстоятельствъ исключено примѣненіе освѣжающаго дѣйствія національнаго законодательства.

Л. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Буква и разумъ закона.

Всемилоостивѣйшими манифестами 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 г. предоставлено министру юстиціи (какъ преемнику министра внутреннихъ дѣлъ по главному тюремному управленію) и генералъ губернаторамъ, иркутскому и приамурскому по принадлежности, уменьшать осужденнымъ къ каторжнымъ работамъ, по удостовѣреніи въ ихъ добромъ поведеніи, назначенные судомъ сроки каторги на одну треть, безсрочную-же каторгу замѣнять срочною на двадцать лѣтъ.

Эти краткія и ясныя слова Монаршаго милосердія не вызываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, пока вопросъ идетъ о примѣненіи ихъ къ преступникамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы на основаніи уложенія о наказаніяхъ. По ст. 19 уложенія каторжныя работы опредѣляются, по роду преступленія и мѣрѣ вины, въ слѣдующей постепенности: степень 1—каторжныя работы безъ срока; степень 2—на время отъ 15 до 20 лѣтъ; остальные степени (2—7), на меньшее время. Къ каторгѣ свыше 20 лѣтъ, но не безсрочно, ни одинъ судъ, судящій по уложенію о наказаніяхъ, никого приговорить не можетъ.

Но милости, дарованныя манифестами лицамъ, впадшимъ въ преступленія и несущимъ за нихъ наказанія, хотя прямо и непосредственно, какъ видно изъ буквального текста манифестовъ, имѣютъ въ виду осужденныхъ по уложенію и уставу о наказаніяхъ, однако, по самому смыслу своему очевидно должны быть распространяемы и на случаи осужденія преступниковъ на основаніи другихъ уголовныхъ законовъ, если, конечно, для этихъ случаевъ не установлено изытій или специальныхъ милостей, исключających примѣненіе общаго правила. Въ частности, вышеупомянутая милость лицамъ, осужденнымъ на каторгу, должна имѣть примѣненіе и въ дѣйствительности примѣняется къ каторжникамъ, совершившимъ послѣ осужденія новыя преступленія, главнымъ образомъ побѣга съ каторги, и приговореннымъ на основаніи устава о ссыльныхъ къ продленію срока каторжныхъ работъ (ст. 445). Смотри по разряду, къ которому принадлежитъ бѣжавшій каторжникъ, а также и потому, совершилъ-ли онъ побѣгъ въ первый, второй или третій разъ, и притомъ въ Сибири или внѣ ея, срокъ каторги ему можетъ быть *продленъ* на время отъ 4 лѣтъ до 6, 8, 10, 15, 20 лѣтъ и, наконецъ, безъ срока. Такимъ образомъ, хотя и по уставу о ссыльныхъ соблюдена та-же постепенность сроковъ каторги, какъ и по уложенію, съ переходомъ отъ 20 лѣтней прямо къ безсрочной, но лицу, осужденному по уложенію, напримѣръ, на 20 лѣтъ каторги, этотъ срокъ можетъ быть продленъ за первый побѣгъ въ Сибири на 15 лѣтъ, за второй еще на 20, и лишь за третій—безъ срока; послѣ перваго побѣга

общій срокъ каторги для этого лица будетъ 35 лѣтъ, послѣ втораго—55 лѣтъ, и лишь послѣ третьяго онъ можетъ быть признанъ безсрочнымъ каторжникомъ.

Если ко времени изданія Всемилоостивѣйшаго манифеста подобный каторжникъ уже успѣлъ добѣгаться до безсрочной каторги, то на его счастье, согласно буквальному смыслу словъ милосердія, окажется возможнымъ, при добромъ его поведеніи, замѣнить ему безсрочную каторгу—срочною на 20 лѣтъ. Но, если онъ обратился на путь добраго поведенія еще до третьяго побѣга и безсрочной каторги не заслужилъ, то, по буквальному смыслу тѣхъ-же словъ, назначенный ему по суду срокъ каторжныхъ работъ подлежитъ сокращенію на одну треть, и напр. съ 55 лѣтъ сократится на 36 лѣтъ 8 мѣс., а съ 35 лѣтъ (т. е. считая послѣ перваго побѣга) на 23 года 4 мѣсяца, и т. п. Другими словами, при меньшей преступности, по буквальному смыслу словъ манифеста, участь каторжника облегчается меньше, чѣмъ при большей преступности. Такіе результаты примѣненія закона, какъ намъ извѣстно, возбудили сомнѣніе, слѣдуетъ-ли примѣнять къ лицамъ, осужденнымъ въ каторжныя работы на сроки болѣе 20 лѣтъ, льготы, дарованныя манифестами срочнымъ или безсрочнымъ каторжникамъ?

На основаніи ст. 65 зак. осн., „законы должны быть исполняемы по точному и буквальному ихъ смыслу, безъ всякаго измѣненія или распространенія... не перемѣняя въ нихъ ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“. Хотя тою же статьею 65 допускается обращеніе къ „общему духу законодательства“, но лишь въ случаѣ „невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ такимъ же другаго“. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни различія буквального смысла двухъ законовъ, ни затрудненія въ избраніи одного изъ нихъ для примѣненія къ разсматриваемому дѣлу. Буквальный смыслъ манифеста ясенъ. Все же, что не вытекаетъ изъ буквы—должно быть отвергнуто, какъ самопроизвольное толкованіе.

Другое дѣло, если обратиться къ началамъ толкованія закона, установленнымъ въ судебныхъ уставахъ Императора Александра II: судебныя установленія, дѣйствующія на основаніи этихъ уставовъ „обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ“ (ст. 9 уст. гр. суд. ср. ст. 12 уст. угол. суд.). Отъ правила, выраженнаго въ ст. 65 осн. зак. эти начала, расширяя случаи обращенія къ общему смыслу законовъ, отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что вовсе не связываютъ примѣнителей закона его буквою, указывая имъ искать только разума закона.

Хотя эти начала толкованія, по буквѣ закона, доступны только судамъ, а не власти, примѣняющей манифестъ къ каторжникамъ, однако безъ обращенія къ нимъ невозможно выйти изъ дебрей буквѣдства. Какъ изъ-за деревьевъ можно не увидѣть лѣсу, такъ буквы закона могутъ препятствовать пониманію его разума. Какъ ни категорично ст. 65 зак. осн. запрещаетъ иное, кромѣ буквального, толкованіе закона, и она допускаетъ случаи, когда этотъ запретъ долженъ умолкнуть: обязывая всѣ безъ изыятія мѣста не перемѣнять въ законахъ ни единой буквы, ст. 65 оговариваетъ: „безъ доклада Императорскому Величеству“; не дозволяя толкованій самоизвольныхъ, наши старые законы, примѣняемые и донинѣ всѣми мѣстами, кромѣ судебныхъ, открываютъ путь представленія о неполнотѣ и недостаткахъ закона на усмотрѣніе Верховной власти (ст. 201 Учр. Сен.). Всемиловѣйшіе манифесты 1894 и 1896 гг., равнымъ образомъ, указываютъ, что возникающія въ правительственныхъ мѣстахъ сомнѣнія въ примѣненіи ихъ представляются въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената, который въ случаяхъ превышающихъ его власть, т. е. и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится толковать манифестъ по разуму, а не по буквѣ, испрашиваетъ на это разрѣшеніе Его Императорскаго Величества.

Лишь отрѣшившись отъ формальнаго буквѣдства, отъ взгляда на законъ какъ на мертвую, бездушную букву, и взглянувъ на законъ, какъ на разумную человѣческую волю законодателя, какъ на мысль, вложенную въ слова и въщающую правовой принципъ, можно найти указаніе къ правильному примѣненію вышеупомянутыхъ правилъ манифеста къ каторжникамъ, осужденнымъ на время свыше 20 лѣтъ. И это указаніе, истекая изъ самого закона, изъ его разума, не можетъ получить характера самопроизвольнаго толкованія; напротивъ того, устраняя въ принципѣ всякое привнесеніе со стороны произвольныхъ посылкокъ ради приспособленія закона къ данному частному случаю, оно одно можетъ поставить примѣненіе и толкованіе закона во всѣхъ случаяхъ на принципиальную почву законности.

Основная сущность мысли, выраженной въ словахъ манифестовъ, дарующихъ облегченіе участи каторжникамъ, состоитъ въ томъ, чтобы менѣе тяжкимъ преступникамъ, присужденнымъ въ каторжную работу на сроки, высшимъ изъ коихъ по закону является 20-лѣтній, эти сроки были сокращены на одну треть, болѣе же тяжкимъ преступникамъ, безсрочнымъ каторжникамъ, къ которымъ этой милости нельзя примѣнить, такъ какъ безсрочность не дѣлится на три части, безсрочная каторга была бы замѣнена срочною въ высшемъ установленномъ закономъ размѣрѣ — 20-ти лѣтнемъ. А такъ какъ безсрочность болѣе какого бы то ни было срока, то ни одинъ срочный каторжникъ, по

примѣненіи къ нему милостей манифеста, не можетъ быть оставленъ въ каторгѣ на срокъ долѣе 20 лѣтъ, опредѣленный лишь для безсрочныхъ. Въ этихъ положеніяхъ, добытыхъ юридическимъ анализомъ мысли законодателя, не заключается ничего привнесеннаго со стороны, всѣ они въ зародышѣ заключаются — правда не въ буквѣхъ и словахъ, потому что въ нихъ и не можетъ ничего заключаться — но въ самой ещности того, что выражаютъ слова манифеста, слова уложенія о наказаніяхъ, слова устава о ссыльныхъ. Эти положенія даютъ намъ однако то, чего не могутъ дать одни мертвыя буквы и слова — они даютъ ключъ для правильнаго примѣненія милостей. Вы сочайшихъ манифестовъ къ лицамъ, отбывающимъ каторжные работы по уставу о ссыльныхъ на сроки свыше 20 лѣтъ, но не безсрочно.

Какъ бы великъ или малъ ни былъ срокъ каторжной работы, вычисленный по уставу о ссыльныхъ, онъ не можетъ быть приравненъ къ безсрочности, и потому прежде всего къ нему долженъ быть примѣненъ основной типъ милости — сокращеніе на одну треть: осужденнымъ на время отъ 21 до 29 лѣтъ каторга сократится на сроки отъ 14 лѣтъ до 17 лѣтъ 4 мѣсяцевъ; осужденнымъ на 30 лѣтъ она по сокращеніи будетъ равняться 20 годамъ; и лишь осужденнымъ на время свыше 30 лѣтъ она и по сокращеніи на одну треть, окажется выше 20 лѣтъ, а такъ какъ такое примѣненіе манифеста, при которомъ срочные каторжники оставляются въ каторгѣ на болѣйшій срокъ, нежели безсрочные, должно быть признано неправильнымъ, какъ не соответствующее разумной волѣ законодателя, то дальнѣйшее сокращеніе срока ихъ наказанія представляется юридическою неизбѣжною; вытекающею изъ разума закона.

Однако, сокращать срочную каторгу болѣе, чѣмъ на треть, и устанавливать въ путяхъ толкованія закона какую-нибудь скалу милосердія, неуставленную самимъ законодателемъ, — было бы нарушеніемъ принципа законности, привнесеніемъ въ толкованіе самопроизвольныхъ элементовъ со стороны. И какъ ни увлекательно провозгласить, что всякому срочному каторжнику слѣдуетъ сократить наказаніе *болѣе*, чѣмъ безсрочному, т. е. оставить его въ каторгѣ на срокъ меньшій, чѣмъ 20 лѣтъ, мы должны удержаться на почвѣ законности и только сказать: всякому срочному каторжнику наказаніе должно быть сокращено *не меньше*, чѣмъ безсрочному, и слѣдовательно въ тѣхъ случаяхъ, когда по сокращеніи на одну треть, срокъ каторги превышаетъ 20 лѣтъ, срочный каторжникъ, относительно примѣненія къ нему Всемиловѣйшаго манифеста, по его разуму, долженъ воспользоваться милостью наравнѣ съ безсрочными каторжниками, т. е. сокращеніемъ срока его наказанія до 20 лѣтъ.

М. Лозина-Лозинскій.

Изъ области судебныхъ ошибокъ.

Когда рѣчь заходитъ о судебныхъ ошибкахъ, люди, знакомые съ исторіей, вспоминаютъ дѣло Калласа, въ которомъ отецъ былъ осужденъ за убійство своего родного сына, а современный французъ навѣрное заговоритъ и заспоритъ о „проклятомъ дѣлѣ“ Дрейфуса. Но тотъ и другой процессъ нельзя признать судебными ошибками въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Калласъ погибъ не изъ-за ошибки судей, а по религиозной ненависти, съ которой католики Тулуза относились къ кальвинистамъ. Дѣло Дрейфуса давно было бы разрѣшено и закончено, если бы не замѣшались политическія страсти. Для насъ имѣютъ цѣну не эти громкіе процессы, а мелкія скромныя дѣла, исходъ которыхъ интересуется только участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. До тѣхъ поръ, пока будутъ люди, будутъ и погрѣшности. Поэтому, и наши суды при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей не обойдутся безъ невольныхъ ошибокъ. Эти-то случаи интересно разобрать, и не для того, чтобы кому-либо ставить ихъ въ вину, а чтобы знать и помнить, что въ судебномъ дѣлѣ часто встрѣчаются подводные камни, которыхъ надо избѣгать.

Возможность невольныхъ заблужденій имѣетъ въ виду и нашъ законъ. Не даромъ статья 935 уст. угол. суд., перечисляя причины возобновленія дѣлъ, указываетъ нѣсколько группъ судебныхъ ошибокъ: 1) осужденіе одного лица вмѣсто другого, т. е. ошибка въ личности, 2) осужденіе при отсутствіи преступленія и 3) вновь открытые факты.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію отдѣльныхъ дѣлъ, мы должны оговориться, что считаемъ ошибкой только осужденіе подсудимаго приговоромъ, вступившимъ въ законную силу. Поэтому, если былъ отмѣненъ приговоръ уголовной палаты, обращенный уже къ исполненію, то мы не видимъ здѣсь судебной ошибки, а неизбѣжныя послѣдствія извѣстныхъ несовершенствъ процесса, которыя давали себя чувствовать: по указамъ Правительствующаго Сената людей нерѣдко возвращали съ каторги. Примѣромъ можетъ служить дѣло туринской мѣщанки Ивановой, которая Тобольскимъ губернскимъ судомъ была присуждена къ 9-лѣтней каторжной работѣ, а Сенатомъ признана невиновной послѣ того, какъ она 2 года пробыла въ каторжной тюрьмѣ ¹⁾.

Дѣло это представляетъ собою безобразную картинку дореформенныхъ порядковъ. Но подъ судебной ошибкой мы понимаемъ совсѣмъ иное, а именно: невѣрный приговоръ, который можетъ быть исправленъ не путемъ обжалованія, а лишь путемъ возобновленія дѣла.

Въ настоящей замѣткѣ мы не будемъ касаться старыхъ дѣлъ, которыя были подробно

разработаны въ литературѣ ¹⁾, а изложимъ лишь 3 случая изъ практики русскихъ судовъ послѣдняго времени.

Въ 1896 году нашу прессу облетѣла ужасная вѣсть ²⁾. По приговору Омскаго военно-окружнаго суда былъ казненъ чрезъ повѣшеніе нѣкто Шуклинъ, ошибочно признанный за Лосева, обвинявшагося въ убійствѣ двухъ конвойныхъ солдатъ, сопровождавшихъ его во время пересылки въ предѣлахъ Тобольской губерніи. Задержанный и принятый за Лосева Шуклинъ не могъ доказать, что онъ не Лосевъ, и былъ подвергнутъ смертной казни. Потомъ въ Александровской центральной тюрьмѣ оказался бродяга, назвавшійся Барончукомъ: онъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ преступленій. Слѣдствіемъ установлено, что это и есть Лосевъ, убившій конвойныхъ.

Другое дѣло относится къ самому недавнему прошлому.

8 февраля 1898 г., въ 7 часовъ вечера, англійскій вице-консулъ Кукъ и его слуга, запасный канониръ Павловъ, возвращались съ охоты въ гор. Севастополь. Когда они подошли къ Килень-Балкѣ, т. е. къ окраинѣ корабельной стороны города, на нихъ напали 3 матроса, избили ихъ и послѣ упорной борьбы отняли у Павлова ружье, стоющее 350 рублей. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу подозрѣніе пало на двухъ матросовъ съ броненосца „Три Святителя“. Оба матроса были посланы съ корабля 8 февраля утромъ часовыми на угольную баржу въ Килень-Балку и вернулись на корабль обратно только 9 числа, причемъ у одного оказалась разбитой вся правая сторона лица и одежда испачканна въ грязи. Между тѣмъ, при первомъ же допросѣ Павловъ заявилъ, что у одного изъ нападавшихъ на него матросовъ должно быть разбито лицо съ правой стороны, такъ какъ во время борьбы они вмѣстѣ упали на землю, покрытую колючками и мелкимъ камнемъ: онъ, Павловъ, лѣвой стороной лица, а матросъ—правой. Когда заподозрѣнный былъ арестованъ и показанъ Павлову, то этотъ послѣдній призналъ его очень похожимъ на того матроса, который его ограбилъ.

Къ этому надо прибавить, что оба матроса давали самыя разнорѣчивыя и сбивчивыя показанія какъ по поводу того, гдѣ они провели ночь, такъ и по поводу полученія первымъ изъ нихъ раны. Показанія эти были провѣрены и опровергнуты предварительнымъ слѣдствіемъ.

На основаніи этихъ данныхъ матросы К. и Н. были преданы суду военно-морского суда Севастопольскаго порта. Приговоромъ отъ 17 апрѣля

¹⁾ Для лицъ, интересующихся этимъ вопросомъ, мы можемъ указать слѣдующія книги: Lailier et Vonoven. Les erreurs judiciaires et leurs causes. Paris. 1897. Ткачевъ. Судебныя ошибки: Спб. 1867. Katscher. Schuldlos verurtheilt. 1895, и нашу статью объ этой послѣдней книгѣ Ж. Мин. Юст. 1896. V.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1896. X. стр. 879. „Новое Время“ № 7369.

¹⁾ („Новое Время“ 1897 г. 8 декабря, изъ Енисея).

1898 г. они были признаны виновными и осуждены за разбой (ст. 1631 угол. улож.) къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ.

Вскорѣ, однако, обнаружились другія данныя, которыя пролили новый свѣтъ на это дѣло.

7 мая 1898 г. къ старшему механику броненосца „Двѣнадцать Апостоловъ“ явился квартирмейстеръ Кирилль Иванченко и, представляя отнятое у вице-консула Кука ружье, доложилъ, что купилъ его у кочегара Сильвестра Шворина, 30 марта, когда уѣзжалъ въ отпускъ на родину. Вернувшись обратно 25 апрѣля, онъ хотѣлъ уплатить за него Шворину деньги, но тотъ ему сознался, что ружье онъ и нѣкій Горѣловъ отняли силой у консула и что за это дѣло невинно осуждены два матроса. Иванченко, узнавъ такіе факты, немедленно выписалъ изъ деревни это ружье и, по полученіи, заявляетъ о случившемся.

Шворинъ и Горѣловъ при допросѣ сознались въ совершеніи этого преступленія.

Въ виду такихъ данныхъ, дѣло о К. и Н. было приостановлено по распоряженію главнаго военно-морского суда, Шворинъ и Горѣловъ приговоромъ военно-морского суда Севастопольскаго порта отъ 4 ноября 1898 г. приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы срокомъ на 4 года каждый.

Изложенные два процесса исключаютъ всякую возможность сомнѣній. Мы имѣемъ дѣло съ судебными ошибками самаго грубаго характера, ибо судомъ открыто признано, что первымъ приговоромъ было осуждено одно лицо вмѣсто другого. Но далѣе мы изложимъ процессъ, который уже не такъ простъ, потому что два судебныхъ приговора, постановленныхъ по этому дѣлу, допускаютъ возможность различныхъ толкованій.

13 ноября 1898 г. въ г. Гомель разбиралось въ выѣздной сессіи Могилевскаго окружнаго суда дѣло о мѣщанинѣ Павлѣ Лукинѣ Якутовичѣ, онъ же Ягуновъ (сынъ), обвиняемомъ въ кражѣ денегъ и поджогѣ съ цѣлью сокрытія кражи ¹⁾.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія. Раннею весной 1897 г. въ гор. Гомель, въ винномъ складѣ г. Сеножинскаго, произошелъ пожаръ, который вскорѣ былъ потушенъ. При дознаніи оказалось, что изъ кассы было украдено 1,600 руб. и, кромѣ того, были замѣтны слѣды поджога. Подозрѣніе въ кражѣ, а также и поджогѣ съ цѣлью скрыть кражу, пало на приказчика этого склада, Ягунова-отца. Было произведено слѣдствіе, и весной нѣпѣшняго года Могилевскій окружный судъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судилъ Ягунова-отца. Ягуновъ-отецъ на судѣ отрицалъ свою виновность; тѣмъ не менѣе присяжные признали его виновнымъ въ кражѣ денегъ и поджогѣ, и судъ приговорилъ его къ каторжнымъ работамъ на 4 года.

По объявленіи приговора Ягуновъ-отецъ опять заявилъ, что онъ невиновенъ. Находившійся въ числѣ публики въ залѣ засѣданія Ягуновъ-сынъ началъ кричать, что отецъ его невиновенъ и осужденъ неправильно; конечно, его сейчасъ же удалили изъ залы, но онъ продолжалъ и въ корридорѣ кричать. Послѣ этого Ягуновъ-сынъ является въ полицію и заявляетъ, что деньги укралъ онъ, а не отецъ, и что онъ укажетъ, гдѣ онѣ спрятаны. Дѣйствительно, по его указанію, деньги были найдены зарытыми въ землѣ, въ глиняномъ горшкѣ, верстъ за 150 отъ Гомеля. На произведенномъ слѣдствіи онъ показалъ, что пожаръ произошелъ случайно: во время кражи денегъ онъ уронилъ лампу, отъ чего загорѣлась солома; тогда онъ принялся тушить, что ему и удалось; послѣ этого онъ ушелъ изъ склада, но, вѣроятно, не совсѣмъ потушилъ, такъ какъ спустя часа два начался пожаръ. Такимъ образомъ и кража, и пожаръ—дѣло его рукъ, а отецъ осужденъ невинно. И вотъ привлекается къ суду въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ денегъ и поджогѣ уже Ягуновъ-сынъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти. Отправка Ягунова-отца въ каторгу пока приостановлена. 15 октября предсталъ на судъ присяжныхъ уже Ягуновъ-сынъ. Онъ объяснилъ, что сначала онъ хотѣлъ украсть только 15 руб. и во время кражи уронилъ лампу; потомъ, потушивъ пожаръ, онъ ушелъ. Свидѣтели показывали различно: полицейскіе показывали, что когда пожаръ былъ потушенъ, то обстановка указывала на поджогъ. Одинъ свидѣтель показалъ, что Ягуновъ-сынъ сознался въ преступленіи уже послѣ свиданія съ отцомъ. Другіе показывали, что онъ еще въ залѣ засѣданія кричалъ, что отецъ невиновенъ, а виноватъ онъ. Судебныя пренія носили не совсѣмъ обычный характеръ. Прокуроръ какъ бы защищалъ подсудимаго, доказывая его невиновность, а сознание приписывалъ желанію освободить отца. Защитникъ доказывалъ, что подсудимый виноватъ: онъ совершилъ кражу, и пожаръ случился по его винѣ. При постановкѣ вопросовъ защита просила поставить вопросъ о непринятіи мѣръ къ прекращенію пожара, но судъ отказалъ. Присяжные признали Ягунова-сына виновнымъ въ кражѣ денегъ, по обвиненію же въ поджогѣ оправдали. Судъ приговорилъ Ягунова-сына къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Приговоръ какъ обвиняемымъ, такъ и его родственниками былъ встрѣченъ съ радостью.

Въ виду такого исхода дѣла возникаетъ вопросъ, можетъ-ли остаться въ силѣ первый приговоръ.

Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратиться къ ст. 935 уст. угол. суд., первый пунктъ которой говоритъ слѣдующее: „возобновленіе возможно, если состоялось осужденіе различными приговорами нѣсколькихъ лицъ за одно и то же, и при томъ такое преступленіе,

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“ 3 ноября 1898 г.

совершенство коего однимъ изъ осужденныхъ доказываетъ невозможность совершения его другимъ“.

Придерживаясь буквального смысла этого положения, придется сказать, что второй приговоръ формально не подрываетъ первого, такъ какъ сынъ осужденъ за кражу, а отецъ за растрату и поджогъ. Но если вникнуть въ существо дѣла, то придется заключить, что сынъ осужденъ на основаніи его признанія, которое было провѣрено на предварительномъ и судебномъ слѣдствіи. Его словамъ можно вѣрить или нѣтъ? Можно признать, что сынъ открыто лжетъ, желая спасти своего отца. Можно также допустить, что кража и поджогъ сдѣланы обоими осужденными сообща, и присудить сына къ тому же наказанію, которое поразило его родителя. Но если присяжные осудили сына на основаніи его же признанія и признали виновнымъ только въ кражѣ, не обвинивъ въ поджогъ, то они тѣмъ самымъ открыто высказали, что пожаръ произошелъ отъ упавшей лампы, т. е. не отъ поджога, а отъ несчастной случайности. Отсюда же необходимо заключить, что старикъ Ягуновъ осужденъ былъ за поджогъ, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Слѣдовательно, къ нему вполне возможно примѣнить пунктъ 2 той же ст. 935, въ которомъ сказано, что возобновленіе дѣла возможно при осужденіи кого-либо за преступленіе, которое не совершилось.

Изложенные нами факты и соображенія доказываютъ весьма убѣдительно, что между этими двумя приговорами есть весьма существенное противорѣчіе. Поэтому, мы едва-ли ошибемся, сказавъ, что первый приговоръ не можетъ остаться въ силѣ.

А. Левенстимъ.

Обозрѣніе практики гражд. касс. департ. Правит. Сената за 1897 г.

Защита владѣнія.

Въ своей превосходной статьѣ „Основные вопросы владѣнія въ новомъ германскомъ уложеніи“, напечатанной въ № 1 „Вѣстника Права“, проф. Г. А. Покровский отмѣчаетъ среди недостатковъ постановленій новаго закона то обстоятельство, что, согласно 861 и 862 ст. уложенія, possessорные иски — о возвращеніи владѣнія и о прекращеніи правонарушенія — исключаются, если владѣніе испца или его предшественника по отношенію къ отвѣтчику было порочно (fehlerhaft) и было приобрѣтено въ теченіе одного года назадъ. Иначе говоря, противъ иска о защитѣ владѣнія допускается *exceptio vitiosae possessionis*.

Въ этихъ постановленіяхъ авторъ справедливо усматриваетъ коренное отступленіе отъ тѣхъ задачъ, къ которымъ составители уложе-

нія стремились при выработкѣ этого отдѣла — обезпечить общественный миръ охраной внѣшняго господства лица надъ вещью. Дѣйствительно, допущеніе *exceptio vitiosae possessionis* не можетъ не послужить рѣшительнымъ стимуломъ къ проявленію насилія и самоуправства. Въмѣсто того, чтобы обратиться къ суду съ просьбой о возвращеніи неправомѣрно захваченнаго владѣнія, потерпѣвшій можетъ отнять владѣніе силой — въ увѣренности, что такое дѣйствіе его будетъ признано правомѣрнымъ; и если бы противнику вновь удалось захватить владѣніе, то въ теченіе года потерпѣвшій вновь можетъ, съ разрѣшенія закона, прибѣгнуть къ силѣ, къ самоуправному захвату и, такимъ образомъ, между сторонами какъ бы узаконяется торжество силы, внѣсудебная расправа. Но если еще римское право, какъ замѣчаетъ проф. Покровский, отказалось отъ разсматриваемой *exceptio*, а средневѣковое пошло въ этомъ направленіи даже значительно дальше, то тѣмъ недостойнѣе современнаго государства безучастно взирать на такую самовольную расправу между сторонами.

Къ чести нашего законодательства, этотъ крупный недостатокъ, который новое герм. уложеніе раздѣляетъ со многими западно европейскими кодексами, чуждъ нашему X тому. Ст. 690 строго воспрещаетъ всякое самоуправство по имуществамъ, хотя бы они состояли и въ незаконномъ владѣніи. Этотъ же принципъ повторенъ въ 531 ст., которая гласитъ, что всякое, даже и незаконное владѣніе охраняется правительствомъ отъ насилія и самоуправства до толѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому и сдѣланы надлежащія, по закону, о передачѣ онаго распоряженія. Въ предыдущихъ же статьяхъ (525—528) законъ поясняетъ, что подъ незаконнымъ владѣніемъ подразумѣвается владѣніе подложное, насильственное или самовольное. Въ частности, напр. насильственнымъ признается владѣніе, когда началомъ онаго было отнятіе или захватъ имущества, соединенный съ какимъ-либо насильственнымъ дѣйствіемъ противъ прежняго хозяина или владѣльца и т. д. (ст. 527). Такое незаконное владѣніе можетъ быть прекращено не иначе, какъ по рѣшенію судебного мѣста, вошедшему въ законную силу, а въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены мировыя судебныя установленія, дѣйствіемъ мѣстной полиціи.

Такимъ образомъ оказывается, что законъ совершенно категорически и безъ всякихъ оговорокъ по отношенію къ качеству владѣнія запрещаетъ самовольную расправу и открываетъ единственный путь къ прекращенію незаконнаго владѣнія — обращеніе къ судебной или полицейской власти. До введенія судебной реформы „дѣла о возвращеніи насильно отнятаго или взятаго самовольно и расправа по дѣламъ о завладѣніяхъ“ принадлежали къ обязанностямъ городской или земской полиціи. Судебные уста-

вы отнесли иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія къ вѣдомству мир. судьи, если со времени нарушения прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ (вмѣсто 10 недѣль по прежнему закону). Въ развитіе приведенныхъ началъ X т. въ законодательныхъ мотивахъ къ 4 п. 29 ст. указывается, что „мир. судья въ дѣлахъ сего рода, не входя въ разсмотрѣніе самаго права на владѣніе, долженъ ограничиваться возвращеніемъ имущества тому, въ чьемъ владѣніи оно состояло до нарушенія“. Никакія возраженія противъ такого иска, кромѣ оспариванія самаго факта насильственнаго или самовольнаго завладѣнія и указанія на истечение 6-мѣсячнаго срока не могутъ быть приняты по той простой причинѣ, что никакихъ изъятій изъ правила объ охраненіи и незаконнаго владѣнія законъ не допускаетъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ и Правительствующій Сенатъ въ длинномъ рядѣ рѣшеній, начиная съ перваго момента его дѣятельности и до послѣдняго времени, неуклонно проводитъ тотъ взглядъ, что „искъ о возстановленіи владѣнія недвижимымъ имуществомъ можетъ быть предъявленъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ дѣйствительно владѣлъ имѣніемъ, владѣніе это нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика и со времени завладѣнія прошло не болѣе 6 мѣсяцевъ“. Въ дѣлахъ подобнаго рода на обязанности мирового судьи лежитъ удостовѣриться только въ томъ, дѣйствительно-ли недвижимое имѣніе состояло во владѣніи истца, было-ли это владѣніе нарушено самовольнымъ дѣйствіемъ отвѣтчика и когда именно послѣдовало нарушеніе (рѣш. 1882 г. № 134).

Несмотря, однако, на столь ясныя, исключая всякую возможность сомнѣній, постановленія закона и подтверждающіе ихъ законодательные мотивы, несмотря на совершенно опредѣлившейся съ давняго времени взглядъ Сената, нашу судебную практику по разсматриваемому вопросу до сихъ поръ нельзя считать установившейся, и еще въ 1897 г. вопросъ этотъ, какъ видно изъ рѣшенія № 79, внесенъ на обсужденіе департамента.

По иску, предъявленному 8 апрѣля 1890 г., о возстановленіи владѣнія, нарушеннаго 25 марта того же года, мировой судья удовлетворилъ исковыя требованія. Но съѣздъ мировыхъ судей рѣшеніе мирового судьи отмѣнилъ и въ искѣ отказалъ на томъ основаніи, что „спорною землею владѣла та изъ сторонъ, которая успѣетъ ранѣе запахать и обсеменить оную, изъ чего слѣдуетъ, что никто изъ тяжущихся не владѣлъ спорною землею болѣе полугода (?), какъ этого требуетъ 4 п. 29 ст. уст. гр. суд., ибо по ст. 525—592 (532?) зак. гр. 1 ч. X т. незаконное владѣніе, основанное на захватѣ имущества отвѣтчика, охраняется мировымъ судьей только тогда, когда оно продолжалось болѣе шести мѣсяцевъ, чего въ данномъ случаѣ не было“. Не говоря о странной оцѣнкѣ фактическихъ обстоятельствъ дѣла,

не говоря о томъ, что въ данномъ случаѣ былъ предъявленъ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а не объ охраненіи нарушаемаго, трудно понять тотъ логическій скачокъ, при помощи котораго съѣздъ на мѣсто установленнаго закономъ 6 мѣсячнаго со дня нарушенія срока для предъявленія разсматриваемыхъ исковъ вводитъ неизвѣстный закону срокъ продолжительности владѣнія, защищаемаго судомъ.—Конечно, единичное, хотя бы и вполне несообразное рѣшеніе съѣзда не можетъ давать достаточныхъ основаній къ тѣмъ или другимъ выводамъ о взглядахъ нашей судебной практики, но, къ сожалѣнію, этотъ взглядъ отчасти встрѣчаетъ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ—хотя и не вполне опредѣленныхъ—соображеніяхъ Пр. Сената, высказанныхъ имъ во многихъ рѣшеніяхъ. Такъ, въ сборникѣ за 1872 г. въ рѣшеніи № 702 мы, между прочимъ, читаемъ: „мировыя судебныя установленія обязаны удостовѣриться только о томъ, у кого именно недвижимое имѣніе состояло въ дѣйствительномъ владѣніи въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ“; въ рѣшеніи № 1021: „слѣдовало только удостовѣриться, у кого была во владѣніи земля за полгода до подачи означенной жалобы“ (о возстановленіи нарушеннаго владѣнія). Точно также въ рѣшеніи № 356 за 1874 г. говорится, что „на обязанности мирового судьи лежитъ лишь удостовѣриться о томъ, у кого спорное имѣніе находилось въ дѣйствительномъ владѣніи и о времени, съ котораго такое владѣніе продолжается“. Мы назвали эти соображенія не совсемъ опредѣленными, потому что Пр. Сенатъ не идетъ дальше сказаннаго, не останавливается на вопросѣ о томъ, какъ долженъ поступать мировой судья, если въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ имѣніе перебувало въ дѣйствительномъ владѣніи истца и отвѣтчика, если во владѣніи истца имѣніе поступило менѣе чѣмъ за полгода. А такъ какъ законъ придаетъ юридическое значеніе лишь продолжительности владѣнія на сторонѣ отвѣтчика (если со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ) и нигдѣ не говоритъ, чтобы незаконное владѣніе, продолжающееся менѣе 6 мѣсяцевъ, лишено было судебной защиты, то очевидно, что приведенныя соображенія, изъ которыхъ Пр. Сенатъ не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ и которые нисколько не противорѣчатъ высказаннымъ въ другихъ его рѣшеніяхъ взглядамъ, ни въ какомъ случаѣ не должны были служить основаніемъ для такихъ заключеній, которыя не находятъ никакой опоры въ дѣйствующихъ законахъ. Между тѣмъ оспариваемый взглядъ нашелъ рѣшительную поддержку и въ нашей юридической литературѣ. Такъ, напр., въ своемъ „курсѣ гр. судопр.“ (т. I стр. 148, сл.; т. III стр. 325, сл.) К. Малышевъ, неправильно приписавъ римскому праву допущеніе exscriptio

vitiosae possessionis, конструируетъ на тѣхъ же основаніяхъ и нашу защиту владѣнія, утверждая, что искъ о возвратѣ владѣнія пред-полагаетъ, между прочимъ, владѣніе, которое не заключаетъ въ себѣ пороковъ, лишающихъ его права на охраненіе противъ отвѣтчика, и что, „незаконное владѣніе (т. X ч. I, ст. 525—532), основанное на захватѣ имущества отвѣтчика, охраняется мировымъ судьей только тогда, когда оно продолжалось болѣе шести мѣсяцевъ“. Именно это мнѣніе *бу-жално* повторяется въ приведенномъ рѣшеніи мирового съѣзда. При такихъ условіяхъ высказанный съѣздомъ взглядъ едва ли возможно разсматривать, какъ случайный, единичный; съ нимъ необходимо было серьезно считаться и рѣшительно опровергнуть его. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать упомянутого рѣшенія Пр. Сената (№ 79), въ которомъ категорически разъяснено, что „въ искахъ о возстановленіи владѣнія шестимѣсячный срокъ имѣетъ только то значеніе, что имъ разграничивается подсудность этихъ исковъ... Насиліе и самоуправство воспрещаются безусловно и если владѣніе отнято самоуправно, владѣльцу въ предѣлахъ шестимѣсячнаго срока предоставляется требовать возстановленіе владѣнія, причемъ по 4 п. 29 ст. защитѣ подлежатъ всякое владѣніе, хотя бы оно продолжалось и менѣе шести мѣсяцевъ. Мировой съѣздъ долженъ былъ установить или отвергнуть лишь фактъ владѣнія *истца*: если истецъ владѣлъ, то *какимъ бы способомъ ни завладѣлъ онъ имуществомъ*, искъ его подлежитъ удовлетворенію, коль скоро отвѣтчикъ нарушилъ владѣніе его самовольно.

Столь рѣшительное отрицаніе *exceptionis vitiosae possessionis*, основанное на точномъ смыслѣ X т., впервые еще высказывается въ нашей кассационной практикѣ, и надо надѣяться, что оно положитъ конецъ всякимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ по этому вопросу; особенно от-радно это отрицаніе звучитъ именно теперь, когда, какъ говорить проф. Покровский, новое германское уложеніе по своей постановкѣ посес-сорной защиты не можетъ не производить тя-желого впечатлѣнія: оно гораздо больше гово-рить о силѣ, чѣмъ это вообще прилично праву.

Мимоходомъ Пр. Сенатъ касается въ этомъ рѣшеніи еще одного весьма важнаго вопроса. По поводу указанія съѣзда на то, что владѣ-ніе самого истца возникло вѣлѣдствіе захвата имъ имущества у отвѣтчика, — Сенатъ замѣ-чаетъ, что „это обстоятельство могло послужить *въ свое время* основаніемъ для иска *от-вѣтчика къ истцу* о возстановленіи владѣнія“. Выраженіе „въ свое время“ можно истолковать въ двоякомъ смыслѣ: либо такъ, что отвѣтчикъ могъ предъявить искъ до истеченія 6 мѣсяч-наго срока со времени захвата его владѣнія истцомъ, но въ такомъ случаѣ оно было со-вершенно излишнимъ, потому что само собою

подразумѣвается и никакихъ сомнѣній не воз-буждало; либо такъ, что послѣ постановленія судомъ рѣшенія о возстановленіи владѣнія, пе-реходы владѣнія, предшествовавшіе этому рѣ-шенію, уже не могутъ служить основаніемъ поссессорнаго иска. Это второе толкованіе ка-жется намъ совершенно правильнымъ, потому что со времени разсмотрѣнія дѣла судомъ вла-дѣніе истца покоится уже не на захватѣ у от-вѣтчика, а на судебномъ рѣшеніи, и если от-вѣтчикъ не воспользовался своевременно предо-ставленной ему закономъ защитой, а предпо-челъ самовольную расправу, нетерпимую госу-дарствомъ, то теперь ему остается обратиться въ общія судебныя установленія съ петитор-нымъ искомъ о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе.

Правильность такого толкованія рѣшительно подтверждается 646 ст. т. XVI ч. 2, согласно которой полиція, по принятіи прошенія о воз-становленіи владѣнія, изслѣдуетъ на мѣстѣ по-ложеніе дѣлъ и „буде у кого что отнято, тот-часъ возвращаетъ оное прежнему владѣльцу, *предоставляя другой сторонѣ отыскивать свои права на завладѣнное имущество, буде имѣетъ ихъ, судебнымъ порядкомъ*. Отсюда ясно, что разъ въ спорномъ порядкѣ возста-новлено самоуправно отнятое владѣніе, то от-нынѣ противнику остается уже доказывать свое право на владѣніе въ судебномъ порядкѣ, т. е. обратиться съ петиторнымъ искомъ. Въ виду же того, что, какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ подъ 29 ст. у. гр. суд., иски о воз-становленіи владѣнія представляютъ не что иное, какъ тѣ же прошенія въ полицію о воз-вращеніи насильно или самовольно отнятаго, — слѣдуетъ признать, что выраженный въ при-веденной статьѣ принципъ сохраняетъ свою силу и по отношенію къ этимъ искамъ и что посему, за воспослѣдовавшимъ рѣшеніемъ ми-рового судьи о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, отвѣтчику остается лишь путь до-казательства своего права собственности или правъ на владѣніе, въ разсмотрѣніе коихъ ми-ровой судья, въ силу 73 ст. уст. гр. суд., не можетъ входить.

Было бы весьма желательно, чтобы и по этому вопросу Пр. Сенатъ высказался болѣе опредѣленно, чѣмъ это сдѣлано въ рѣшеніи № 79.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Женщины-адвокаты. — Отмѣна смертной казни.

Вопросъ о появленіи въ судебныхъ трибу-налахъ Франціи женщинъ-адвокатовъ можетъ считаться вопросомъ окончательно рѣшеннымъ: палата депутатовъ приняла подавляющимъ большинствомъ голосовъ (360 противъ 62), какъ неотложность проекта о дарованіи женщинамъ, имѣющимъ дипломы *licencié en droit*, права быть вписанными въ барро и пледировать въ

судахъ, такъ въ принципѣ приняла и самый проектъ; послѣдній сданъ въ комиссію, состоящую подъ предѣлательствомъ Trouillot, бывшаго министра колоній; составъ этой комиссіи слѣдующій: René Viviani, Dumont, Bussière, Victor Doubois, Emmanuel Aréne, Henri Blanc, Forné, Perillier, Charles Bos; секретаремъ состоитъ депутатъ Klotz. Комиссія почти совершенно выработала окончательную редакцію проекта, который несомнѣнно будетъ утвержденъ еще въ нынѣшнюю законодательную сессію.

Правомъ пледировать въ судахъ женщины въ настоящее время пользуются въ Норвегіи, Швеціи, Мексикѣ, Чили, Канадѣ, Австраліи и Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ число женщинъ-адвокатовъ доходитъ до 150; союзный совѣтъ Швейцаріи тоже недавно утвердилъ законъ о дозволѣніи женщинамъ выполнять адвокатскія функціи. Но въ трехъ странахъ Европы предложеніе это было отвергнуто судебными инстанціями: въ Италіи, Бельгіи и Франціи.

Въ Италіи вопросъ этотъ былъ возбужденъ туранскимъ судомъ по дѣлу дѣвницы Lidia Poëta, которая обратилась въ апелляціонный судъ съ просьбой разрѣшить ей пледировать въ судахъ, въ виду сдачи ею всѣхъ требуемыхъ экзаменовъ и представленія надлежащихъ свидѣтельствъ. Рѣшеніемъ 14-го ноября 1883 года, туранскій апелляціонный судъ отвергъ просьбу г-жи Poëta; это рѣшеніе было утверждено 18-го апрѣля 1884 года кассационнымъ судомъ. Замѣчательно, что въ обоихъ рѣшеніяхъ какъ низшей, такъ и высшей инстанціи, не приведено ни одного *юридическаго* довода; мотивы своего рѣшенія судъ заимствовалъ изъ области условной морали и общественной нравственности: „было бы неблагопрістойно (brutto) видѣть женщину, выходящую на публичную арену, бросающуюся въ процессуальную борьбу и рискующую въ пылу этой борьбы услышать нѣчто такое, что можетъ оскорбить ея деликатную натуру... Большую опасность, продолжаетъ нѣсколько ниже туринскій апелляціонный судъ, представляетъ для интересовъ правосудія адвокатская тога, замѣняющая всѣ страные и смѣшные туалеты, которые тѣмъ не менѣе мода считаетъ для женщинъ обязательными, или адвокатская шапка, покрывающая высокія женскія прически“.

Въ заключеніе своего рѣшенія туринскій судъ повторилъ слова дававшего по этому дѣлу заключеніе товарища прокурора Mazino, что женщина, постигнутая въ сословіе адвокатовъ, теряетъ „все очарованіе поэзіи, прелесть ея граціи и стыдливости — il fascino della poesia, l'incanto della grazia e del pudore, l'elettricità del sentimento“.

Докторъ правъ г-жа Marie Popelin подала въ Брюссельскій апелляціонный судъ просьбу о зачисленіи ея въ сословіе бельгійскихъ адвокатовъ. Просьба ея была отклонена рѣшеніемъ суда 12 декабря 1888 года. Кассационную

жалобу поддерживалъ знаменитый бельгійскій адвокатъ Франкъ, но несмотря на блестящую рѣчь послѣдняго, кассационная жалоба была оставлена безъ послѣдствій по тому мотиву что „выраженія самой присяги указываютъ, что законодатель былъ противъ допущенія женщинъ въ адвокатуру: присяга эта мужская и политическая“.

Рѣшеніе парижскаго апелляціоннаго суда, 30-го ноября 1897 г., отвергнувшаго аналогичную съ только что цитированными просьбу доктора правъ Jeanne Chauvin, произвело большой шумъ. Анна Шовэнъ явилась въ судъ сама поддерживать свою просьбу и произнесла горячую и блестящую рѣчь, которая, какъ вполне правильно замѣтилъ „Le Temps“, лучше всякихъ толкованій доказала, можетъ ли женщина быть адвокатомъ или нѣтъ. Судъ тѣмъ не менѣе отвергъ просьбу, мотивируя свой отказъ слѣдующими соображеніями: адвокатская профессія была возобновлена и реформирована закономъ 4-го Вентоза XII года республики, закономъ, основаннымъ на древнихъ обычаяхъ Франціи. Обычай же эти категорически воспрещали женщинамъ всякую политическую дѣятельность и не допускали ея въ сословіе адвокатовъ; слѣдовательно, и новый регламентъ, по которому управляется адвокатское сословіе и который основанъ на старомъ законѣ, также не можетъ допустить въ сословіе адвокатовъ женщину. Это рѣшеніе парижскаго суда было встрѣчено суровой критикой въ университетскихъ сферахъ и негодованіемъ въ прессѣ. Знаменитый профессоръ Glasson разобралъ его подробно въ своемъ университетскомъ курсе. Неправильно, говорилъ онъ, утвержденіе суда, будто законъ 4-го Вентоза XII года является статутомъ, устанавливающимъ адвокатское сословіе во Франціи. Такимъ статутомъ, признающимъ за сословіемъ адвокатовъ официальное государственное значеніе, былъ декретъ Наполеона I отъ 1810 года. Но этотъ декретъ, представленный Камбасересомъ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ о древнихъ обычаяхъ. Наполеонъ I, какъ извѣстно, терпѣть не могъ адвокатовъ. „Я получилъ, писалъ онъ Камбасересу, проектъ закона объ адвокатахъ... Я бы предпочелъ лучше принять какія либо болѣе суровыя мѣры противъ этого скопища болтуновъ, виновниковъ революцій, дѣйствующихъ почти всегда по преступному или безнравственному побужденію... Я желалъ бы, чтобы можно было отрѣзать языки тѣмъ адвокатамъ, которые будутъ пользоваться этимъ закономъ для противоправительственныхъ цѣлей“. Понятно, что при такомъ отношеніи къ адвокатскому сословію, Наполеонъ не могъ допустить, чтобы въ новомъ законѣ сохранился хоть какой-нибудь изъ старыхъ обычаевъ, признающихъ свободу и независимость адвокатуры. Наполеоновскій декретъ подвергъ адвокатуру самому суровому тиранническому

контролю и предоставилъ министру юстиціи дискреціонную власть надъ барро. Декретъ этотъ былъ въ послѣдствіи видоизмѣненъ, контроль уничтоженъ, и сословію возвращена независимость, но основные принципы организациіи остались тѣ же. Слѣдовательно, первый мотивъ рѣшенія суда совершенно неправиленъ.

Такъ же слабы и несостоятельны оказываются и другіе мотивы суда.

Адвокатская профессія, говоритъ судъ, это „мужская служба“. Этотъ мотивъ судъ тоже выводитъ изъ древнихъ обычаевъ, замствованныхъ еще изъ римскаго права, гдѣ мы встрѣчаемъ раздѣленіе службы, обязанностей, на мужскія, женскія и доступныя обоимъ поламъ. Едвали, однако, есть какая-либо надобность доказывать несостоятельность этого мотива въ виду той непроходимой пропасти, которая раздѣляетъ социальное положеніе современной женщины отъ положенія ея въ древней вѣка.

Наконецъ, третій мотивъ суда говоритъ: разъ женщина будетъ допущена къ адвокатской профессіи, она можетъ быть допущена, въ случаѣ надобности, къ замѣщенію отсутствующаго судьи. Законъ же воспрещаетъ принимать женщинъ въ магистратуру; слѣдовательно, она не можетъ быть адвокатомъ.

По этому поводу докладчикъ въ редакціонной комиссіи радикаль Вивіани вполнѣ правильно замѣтилъ, что такой мотивъ похожъ на красивый шахматный ходъ, который ведетъ, однако, къ проигрышу партіи. Обязанность замѣнять недостающаго судью введена закономъ 14 декабря 1810 года; но обязанность эта совершенно случайная; на практикѣ эти случаи очень рѣдки и за 30 послѣднихъ лѣтъ встрѣчались всего три раза. Да, наконецъ, какъ же примирить съ этой обязанностью тотъ фактъ, что адвокатъ, сдѣлавшійся министромъ, не можетъ, какъ принадлежащій къ исполнительной власти, выполнять обязанности судьи; юноша 21-го года допускается къ адвокатской присягѣ, а обязанности судьи можетъ выполнять, начиная лишь съ 25-ти лѣтъ.

Изъ разбора мотивовъ парижскаго суда мы убѣдились въ ихъ политѣйшей несостоятельности. По отношенію къ французскимъ женщинамъ это рѣшеніе еще болѣе несправедливо потому, что правительство французское допускаетъ женщину къ высшему юридическому образованію, раздаетъ университетскіе дипломы кандидата и доктора правъ; мало того, по закону 21 декабря 1880 года *правовѣдѣніе является обязательнымъ предметомъ преподаванія въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ*. Программа этого курса правовѣдѣнія по министерской программѣ слѣдующая: 1) государственное право; 2) основные элементы гражданскаго права; 3) судостроительство; 4) торговое право и 5) основные элементы финансоваго и полицейскаго права. Курсы эти носятъ преимуществен-

но практической характеръ, и та самая Анна Шовенъ, которую парижскій апелляціонный судъ не допустилъ въ адвокатуру, приглашена министерствомъ народнаго просвѣщенія читать лекціи правовѣдѣнія во всѣхъ женскихъ лицеяхъ Парижа. Предъ нами лежатъ 2 тома этихъ лекцій. Смѣю васъ завѣрить, что хорошаго и основательнаго знанія ихъ было бы достаточно для того, чтобы сдать университетскій экзаменъ по перечисленнымъ выше предметамъ. Такимъ образомъ, государство, съ одной стороны, считаетъ правовѣдѣніе необходимымъ элементомъ женскаго образованія, — открываетъ для женщинъ двери юридическихъ факультетовъ, а, съ другой стороны, судебный трибуналъ своимъ рѣшеніемъ препятствуетъ имъ пользоваться своими знаніями для практической дѣятельности. Но чего нельзя было достигнуть судебнымъ порядкомъ, то вскорѣ будетъ достигнуто законодательнымъ путемъ. Какъ мы уже сказали въ началѣ, проектъ Вивіани встрѣченъ очень сочувственно и скоро станеть дѣйствующимъ закономъ республики.

Одновременно съ этимъ предстоитъ обсужденіе еще одного симпатичнаго проекта радикальнаго депутата Dejeant'a объ уничтоженіи смертной казни. Проектъ уже прошелъ въ комиссіи и внесенъ въ депо палаты, въ которой громадное большинство — противники смертной казни, такъ что можно рассчитывать, что въ XX-й вѣкъ Франція вселунитъ, вычеркнувши изъ своего кодекса этотъ видъ наказанія.

По поводу смертной казни во Франціи, скажемъ еще нѣсколько словъ о знаменитомъ исполнителѣ смертныхъ приговоровъ Дейблерѣ, который на дняхъ вышелъ въ отставку, сдавши должность своему старшему сыну. Во Франціи палачи вообще идутъ цѣлыми поколѣніями, такъ сказать, династіями. Знаменитая династія Сансонъ занималась этимъ ремесломъ въ теченіе двухъ столѣтій — съ 1685 года по 1847 и насчитываетъ въ своемъ родѣ семь поколѣній палачей. Самымъ знаменитымъ изъ Сансоновъ былъ Карль-Генрихъ, который гильотинировалъ Людовика XVI-го. Его жалованье достигало 30,000 фр. въ годъ. Во время террора, т. е. съ 26 августа 1792 года по 9 Термидора, имъ было казнено 2,742 человѣка. До 1793 года во Франціи существовалъ только одинъ палачъ; но декретомъ конвента 13 июня 1793 года было предписано, чтобы въ каждомъ департаментѣ былъ свой палачъ. Въ 1870 году вернулись къ старому порядку, и опять ввели на всю Францію только одного палача. Послѣдній изъ Сансоновъ былъ уволенъ въ отставку за то, что заложилъ ростовщику ножъ гильотины. Ему наследовалъ Heindrick. Это былъ типъ палача-дженгльмена; идя на казнь, онъ надѣвалъ черной курткѣ и бѣлый галстухъ. Послѣ каждой казни, онъ мылся въ банѣ и затѣмъ служилъ панихиду по казненнымъ. Послѣ Heindrick'a былъ Николай Рошъ, который за 5 лѣтъ

своей дѣятельности казнилъ 173 человекъ. „Не найдутъ никого, кто бы лучше его работалъ“, писала жена Роша министру юстиціи, прося о пенсіи. Въ доброе старое время палачи получали вознагражденіе поштучно, причемъ была выработана даже особая такса:

За свареніе преступника въ маслѣ.	48	фр.
„ разрушеніе его въ куски живьемъ.	30	„
„ четвергованіе	36	„
„ сожженіе вѣдьмы	28	„
„ пытку	4	„
„ поднятіе на дыбу	2	„
„ отрѣзаніе языка, ушей и носа	10	„

Въ настоящее время жалованье палача нормировано закономъ 25 ноября 1870 года. Главный палачъ получаетъ жалованья 6,000 фр. въ годъ. Его два помощника перваго класса по 4,000 фр.; трое остальныхъ по 3,000 фр. каждый. Двѣ гильотины должны быть всегда готовы. Въ случаѣ казни гдѣ нибудь въ провинціи, палачъ и его помощники перевозятся на счетъ государства въ первомъ классѣ. Дейблеръ началъ свою карьеру еще въ 1858 году помощникомъ палача сначала въ Алжирѣ, потомъ въ Реннѣ, а оттуда перешелъ въ Парижъ. Послѣднюю свою казнь, по счету 53-ю, онъ совершилъ надъ Вашеромъ, полусумасшедшимъ убійцей пастуховъ. Ему пришлось въ своей жизни гильотинировать одну только женщину—отцеубійцу Томасъ. Самой молодой жертвой Дейблера былъ убійца Жонтру, который имѣлъ всего 17 лѣтъ отъ роду. Дейблеръ былъ женатъ на г-жѣ Raseneuf, дочери алжирскаго палача, отъ которой онъ имѣлъ одну дочь и одного сына. Любимымъ его занятіемъ была игра на скрипкѣ. Курьезно также то, что Дейблеръ былъ членомъ общества покровительства животныхъ.

В. Б.

В. И. ЖУКОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Умеръ присяжный повѣренный округа С.-Петербургской судебной палаты и членъ совѣта Владиміръ Ивановичъ Жуковскій. Какъ адвокатъ, онъ былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Петербурга; его знала и любила провинція, а въ средѣ судебного міра цѣлой Россіи его имя пользовалось совершенно исключительною и, надо прямо сказать, огромною популярностью. Стоило вамъ попасть по дѣлу въ любой провинціальный судъ, чтобы на ряду съ другими разспросами тотчасъ же услышать: „что Владиміръ Ивановичъ (фамилію называть считалось излишнимъ)?—все такой же молодой, живой и остроумный?“ И дѣйствительно, несмотря на свои слишкомъ 60 лѣтъ, онъ до послѣдняго года былъ молодъ и живъ, живъ всю энергію своего блестящаго

ума, который вѣчно кишѣлъ мыслями, образами, парадоксами и тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, переходившимъ подчасъ въ безопадный сарказмъ, который составлялъ характернѣйшую особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшую прелесть его ораторскаго дарованія.

Худощавый, небольшого роста, съ слабымъ, нѣскольکو хриповатымъ, голосомъ, съ острыми линиями профиля, наводившими на мысль о профилѣ „Мефистофела“ въ статуѣ Антокольскаго, этотъ, съ виду тщедушный и слабый, человекъ проявлялъ необычайную мощь, какъ только ему удавалось попасть въ свою сферу—сферу судебного обвинителя, язвющаго людскіе грѣхи и пороки. Его считали гораздо лучшимъ обвинителемъ, нежели защитникомъ. Еще будучи товарищемъ прокурора, онъ составилъ себѣ имя первокласснаго судебного оратора. Процессъ Овсянникова, котораго онъ обвинялъ въ поджогѣ, упрочилъ за нимъ эту славу навсегда.

Перейдя въ адвокатуру, онъ специализировался на роли гражданскаго истаца въ уголовномъ процессѣ, т. е. по прежнему продолжалъ обвинять. Бывали однако процессы, въ которыхъ онъ былъ незамѣнимъ и въ качествѣ защитника. Въ дѣлахъ большихъ и сложныхъ, гдѣ усилія прокуратуры надо было ослабить тонкимъ анализомъ самой конструкціи обвинения, „хватившаго черезъ край“,—онъ, на ряду съ другими защитниками, выполнявшими ниня функціи, бывалъ великолѣпенъ и совершенно незамѣнимъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ обыкновенно предупреждалъ своихъ товарищей: „ну, вы тамъ защищайте вашихъ, а я ужъ буду обвинять... прокурора!“ И дѣйствительно, его обвиненія по адресу прокуроровъ бывали подчасъ не менѣ чувствительны и опасны, чѣмъ и по адресу подсудимыхъ.

Здѣсь не мѣсто еще для полной и всесторонней характеристики только что почившаго. Но надо отмѣтить его чуткую, младенчески-чистую душу, которая въ товарищескихъ общеніяхъ и въ его частной домашней жизни какъ бы наперстывала всю ту доброту и снисходительность, которыя онъ считалъ неумѣстными въ дѣлѣ общественномъ и публичномъ. Въ лицѣ Владиміра Ивановича мы лишились прекраснаго и добраго товарища, а Россія—человѣка выдающагося по таланту, уму, энергіи и трудолюбію, до конца своихъ дней жившаго только своимъ заработкомъ. О немъ, чья голова вѣчно работала искрометной, кипучей работой мысли, болѣе чѣмъ о комъ либо мы вправѣ сказать, что это былъ человекъ, который не бременилъ землю... И она да будетъ легка надъ нимъ; ему нуженъ покой—и есть отъ чего отдохнуть.

Николай Карабчевскій.

Слово, сказанное В. Н. Герардомъ на могилѣ В. И. Жуковскаго 8 февраля 1899 г.

„Товарищъ, котораго мы хоронимъ сегодня, представлялъ изъ себя въ высшей степени интересный характеръ, во многомъ достойный подражанія.

„Владиміръ Ивановичъ Жуковскій вступилъ въ ряды адвокатуры сравнительно уже не молодымъ. До того онъ занималъ въ прокуратурѣ видное положеніе, ко-

торое сулило ему блестящую карьеру на судебном поприщѣ. Но нежеланіе, несмотря на требованіе начальства, выступить обвинителемъ въ процессѣ, въ которомъ его личныя симпатіи стояли на сторонѣ защиты, вынудило его выйти въ отставку и перейти въ наше сословіе—убѣжище, двери котораго всегда открыты для тѣхъ неудачниковъ службы, которые служеніе принципамъ ставятъ выше служенія людямъ. Не легко было Владиміру Ивановичу рѣшиться на такой шагъ. Вы знаете, что наша профессія кому—матъ, а кому—мачиха, и тяжело мѣнять вѣрное на невѣрное тому, на плечахъ котораго 40 лѣтъ жизни и большая семья.

„Талантъ Владиміра Ивановича создалъ ему и среди насъ выдающееся положеніе; но онъ не увлекся легкими успѣхами и до конца жизни не переставалъ отличаться великимъ трудолюбіемъ и великою скромностью.

„Я сказалъ, что въ характерѣ Владиміра Ивановича многое достойно подражанія, и повторяю это. Если талантъ и остроуміе, такъ ярко блестящія у него, не поддаются подражанію,—это даръ свыше,—за то настойчивое обереганіе своихъ убѣжденій, за то трудолюбіе, за то скромность—такія качества, которыя могутъ быть примѣромъ для всѣхъ, и наша грусть объ угашеніи товарищѣ не пройдетъ безслѣдно, если, оплакавши его, мы будемъ вспоминать эти его качества и подражать ему“.

Слово сказанное П. Г. Мироновымъ надъ могилой В. И. Жуковскаго.

„Сейчасъ навсегда могила скроетъ отъ насъ Владиміра Ивановича. Иные теряютъ въ немъ друга, иные близкаго родного человѣка; всѣ мы теряемъ человѣка талантливаго, честнаго общественнаго дѣятеля. Но небольшой кружокъ выборныхъ представителей адвокатской корпораціи,—мы, члены совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, мы теряемъ въ немъ дорогаго товарища и трудно замѣнимаго сотрудника. Даже страшно подумать, что не будетъ между нами человѣка, который подъ насмѣшливой улыбкой и саркастической рѣчью таилъ столько любви къ людямъ, столько искреннихъ порывовъ къ добру. И это не былъ слащавый сентиментализмъ, равно смотрящій и на добро и на зло. Нѣтъ,—когда обсуждались вопросы чести, когда рѣчь шла о попоранной правдѣ,—лицо Владиміра Ивановича пылала негодованіемъ, а голосъ звучалъ гнѣвомъ. Онъ не умѣлъ мряться со зломъ, не зналъ уступокъ въ вопросахъ чести. Но сколько сердечности, сколько душевной мягкости проявлялъ онъ, когда рѣчь шла объ людскихъ слабостяхъ или ошибкахъ, сколько было желанія принести пользу, когда обсуждались вопросы корпоративной жизни. Да, онъ служилъ и мыслью, и дѣломъ, и словами, и примѣромъ нашему сословію. Искони на Руси вмѣсто грустныхъ словъ „онъ умеръ“ принято говорить — „онъ долго жить приказалъ“. И мы, его сотрудники, придя отъ его могилы, можемъ смѣло сказать—онъ приказалъ среди нашей корпораціи долго жить тому уваженію къ чести и правдѣ, тому духу любви къ человѣчеству, которыя одушевляли его самого во всю его жизнь“.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Вліяніе отказа отъ гражданскаго иска въ уголовномъ процессѣ на подсудность дѣла.

По жалобѣ торговаго дома „Бр. Луи и Ко“ въ Бордо возбуждено было уголовное преслѣдованіе противъ герм. подданнаго Миллера по обвиненію его въ нарушеніи закона 26 февраля 1896 г. о товарныхъ знакахъ. Торговый домъ предъявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскій искъ въ суммѣ 25 тысячъ руб., но въ засѣданіи суда повѣренный гражд. истца отъ иска отказался. Одесскій окр. судъ оправдалъ обвиняемаго.

Одесская судебная палата по своей инициативѣ вошла въ обсужденіе вопроса о подсудности настоящаго дѣла общимъ судебнымъ установленіямъ. Нарушенія закона 26 февраля 1896 г., говоритъ палата, подсудны мировымъ судебнымъ установленіямъ, за исключеніемъ того случая, когда частный обвинитель къ всему обвиненію присоединяетъ гражданскій искъ объ убыткахъ въ суммѣ свыше 500 р. Въ настоящемъ дѣлѣ фирмой „Братья Луи и Ко“ былъ предъявленъ гражданскій искъ въ суммѣ 25 тысячъ, но въ засѣданіи повѣренный частнаго обвинителя отказался отъ своего иска, съ сохраненіемъ за собою права предъявить его особо въ судѣ гражданскомъ. Разъ устранена единственная причина, вызывающая измѣненіе естественной подсудности, послѣдняя восстанавливается сама собою, и дѣло становится подсудно мировой юстиціи. Поэтому, по мнѣнію палаты, окружный судъ не имѣлъ права постановлять приговора о Миллерѣ, а обязанъ былъ дѣло производствомъ прекратить.

На этотъ приговоръ повѣреннымъ частнаго обвинителя, прис. пов. де-Антонины, была принесена кассационная жалоба. Дѣло слушалось въ Сенатѣ 6 февраля, по III отдѣленію угол. касс. деп. Докладывалъ сенаторъ А. Ф. Кони, заключеніе давалъ и. д. товарища оберъ-прокурора Полланъ, интересы кассатора поддерживалъ прис. пов. Гроссманъ.

Критикуя главнѣйшій доводъ палаты, прис. пов. Гроссманъ доказывалъ, что по общему правилу уголовного процесса, неуклонно проводимому Правительствующимъ Сенатомъ, высшій судъ не вправе признавать себя неподсуднымъ дѣло только потому, что въ немъ, при дальнѣйшемъ его ходѣ, обнаружались признаки подсудности низшему суду, ибо судъ высшій уполномочивается закономъ на разрѣшеніе дѣла, подсуднаго низшему суду.

По неоднократнымъ разъясненіямъ Правительствующаго Сената подсудность дѣла опредѣляется обстоятельствами, имѣющимися въ виду при поступленіи дѣла въ судъ, а не тѣми, которыя обнаружились въ послѣдствіи, при слуханіи дѣла въ судебномъ засѣданіи. Настоящее дѣло, въ виду предъявленія гражданскаго иска въ 25,000 р., было, несомнѣнно, подсудно окружному суду, который принялъ его къ своему производству, далъ ему дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ и постановилъ о Миллерѣ оправдательный приговоръ. Устраненіе же гражданскаго иска, послѣдовавшее въ засѣданіи суда, по окончаніи судебного слѣдствія, никоимъ образомъ не должно было вліять на измѣненіе подсудности въ смыслѣ, признанномъ палатою.

Наконецъ, палата не вправе была самостоятельно возбудить вопросъ о подсудности, внѣ предѣловъ апелляціоннаго отъѣзда (ст. 889 у. у. с.), притомъ еще по дѣлу, производящемуся въ порядкѣ частнаго обвиненія.

И. д. товарища оберъ-прокурора далъ заключеніе объ отмѣнѣ опредѣленія Одесской судебной палаты.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: отмѣнить опредѣленіе Одесской судебной палаты, за нарушеніемъ 889 ст. у. у. с.

Хроника

По проекту нынѣ измѣненнаго лечебнаго устава министерству внутреннихъ дѣлъ предоставляется издавать къ руководству всѣхъ лечебныхъ заведеній инструкціи, касающіяся правъ и обязанностей по врачебной части служащаго въ лечебныхъ заведеніяхъ медицинскаго и фармацевтическаго персонала, а также объ обособленіи нѣкоторыхъ больныхъ по роду ихъ болѣзни, объ обеззараживаніи, а также о формахъ и порядкѣ веденія книгъ, срочныхъ вѣдомостей и отчетовъ по медицинской части. Для лечебныхъ же заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія и для сельскихъ лечебныхъ заведеній, въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія—и инструкціи о правахъ и обязанностяхъ по хозяйственной части служащаго въ лечебныхъ заведеніяхъ персонала, о приемѣ, выпискѣ больныхъ, объ ихъ довольствіи, объ утвержденіи плановъ на больницы и о формѣ и порядкѣ веденія книгъ, вѣдомостей и отчетовъ по хозяйственной части.

Однимъ изъ послѣднихъ циркуляровъ министерства финансовъ разъяснено, что на основаніи неотмѣненной 236 ст. уст. о прам. налог. (изд. 1893 г.) лица, не принадлежащія къ купеческому сословію, могутъ брать купеческія свидѣтельства съ сохраненіемъ настоящаго ихъ званія, или съ перечисленіемъ въ купечество. Поэтому, если бы кто изъ лицъ, принадлежащихъ къ почетному гражданству, пожелалъ бы взять на свое имя сословное купеческое свидѣтельство, то получение такого свидѣтельства не возбраняется, при условіи соблюденія п. п. 1 и 2 ст. IV Высочайше утвержденаго 8-го іюня 1898 г. имѣнія Государственнаго Совѣта, но безъ перечисленія этихъ лицъ въ купечество порядкомъ, установленнымъ для лицъ низшихъ (податныхъ) сословій, причемъ лицо, выбравшее промысловое свидѣтельство на торговое предпріятіе 2 разряда по низшему классу мѣстностей, не въ правѣ приписываться въ купечество по 2 гильдіи къ тому городу, который находится въ высшемъ классѣ мѣстностей.

Проектъ новаго обмундированія чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ уже разработанъ. Новая форма состоитъ изъ мундира, сюртука, тужурки и пальто чернаго цвѣта съ продольными плечевыми золотыми погонами. Въ непродолжительномъ времени проектъ будетъ представленъ въ Государственный Совѣтъ.

По дѣламъ, рассмотрѣннымъ въ послѣднемъ засѣданіи общаго собранія 1 и касс. департаментовъ, Пр. Сенатъ разъяснилъ: 1) что дѣти отставныхъ нижнихъ чиновъ еврейскаго закона, приписавшихся, на основаніи правилъ 25 іюня 1867 г. объ устройствѣ быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, къ городскому сословію внѣ мѣсть, гдѣ евреямъ дозволяется осѣдность, имѣютъ самостоятельное право

на повсемѣстное въ Имперіи пріобрѣтеніе недвижимой собственности, кромѣ населенныхъ имѣній; 2) (съ участіемъ 2 департ.), что крестьянское имущество, составляя общую собственность крестьянской семьи, не отвѣчаетъ за долги каждаго ея члена и 3) что публичная продажа недвижимыхъ имуществъ, на которыя обращено взысканіе по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено въ дѣйствіе полож. о земск. участ. начальникахъ, должно производиться примѣнительно къ правиламъ уст. гражд. судопр.

Высочайше утвержденнымъ 28 декабря 1898 г. имѣніемъ Государственнаго Совѣта (собр. уз. 1899 г. къ 7 ст., ст. 78) отмѣнены ст. 83 и п. 2 ст. 86 уст. о прам. нал. (св. зак., т. V, изд. 1893 г.), освобождая отъ платежа добавочнаго поземельнаго налога въ губерніяхъ Царства Польскаго дворянскія имѣнія пространствомъ менѣе 60 морговъ удобной земли. Освобожденіе крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, состоявшееся въ 1864 г., повлекло за собою въ числѣ реформъ всего общественнаго строя и преобразование окладныхъ налоговъ съ недвижимой собственности. Существовавшія до того времени подати, изъ которыхъ главное мѣсто занимала такъ называемая офьяра (пожертвованіе), состоявшая изъ 10⁰/о съ чистаго дохода имѣнія и являвшаяся, такимъ образомъ, однимъ изъ видовъ подоходнаго налога, положеніемъ 8 декабря 1866 г. были слиты въ одинъ общій налогъ, получившій наименованіе дворянскаго поземельнаго налога. Налогъ этотъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна, составляющая $\frac{2}{3}$ общей суммы, получила наименованіе основнаго поземельнаго налога, другая же $\frac{1}{3}$ его названа добавочнымъ налогомъ. Отъ этого добавочнаго поземельнаго налога были освобождены болѣе мелкіе доходы, къ каковымъ были отнесены, между прочимъ, доходы съ земельныхъ участковъ пространствомъ не болѣе 60 морговъ (30 дес.) удобной земли. Имѣя въ виду, что освобожденіе отъ платежа добавочнаго поземельнаго налога имѣній, менѣе 60 морговъ удобной земли пространствомъ, не можетъ имѣть въ настоящее время сколь-либо значительныхъ основаній, такъ какъ, съ одной стороны, цѣнность и доходность этихъ имѣній даже выше соотвѣтственно цѣнности и доходности земель съ болѣею площадью земли, вслѣдствіе постоянно возрастающаго спроса на меньшіе земельные участки, съ другой же, съ изданіемъ положенія 15 декабря 1868 г. и правилъ 1 января 1872 г., конми былъ установленъ поземельный налогъ съ крестьянъ и посадскихъ жителей безъ предоставленія симъ плательщикамъ какой-либо льготы по платежу добавочнаго поземельнаго налога, сохраненіе ея для мелкой шляхты, находящейся въ болѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ чѣмъ крестьяне, представляется едва ли сираведливымъ, министерство финансовъ нынѣ признало необходимымъ привлечь всѣ имѣнія пространствомъ менѣе 60 морговъ удобной земли къ платежу поземельнаго налога на общихъ основаніяхъ.

Въ концѣ истекшаго года при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ образо-

вана спеціальна комісія із представителів департаментів різних відомств для розробки **вопроса о примѣненіи городского положенія** къ тѣмъ населеннымъ мѣстностямъ, которыя въ настоящее время не имѣють никакого строго опредѣленнаго общественнаго управленія. Комісія эта состоитъ подъ предѣтельствомъ вице-директора хозяйственнаго департамента д. ст. сов. С. Г. Щегловитова. Какъ оказывается, многіе изъ населенныхъ мѣсть, имѣя характеръ жизни вполне городской, въ то же время, расположены на земляхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Такого рода условіе, весьма естественно, должно было въ первыхъ же засѣданіяхъ комисіи вызвать на рѣшеніе вопросъ о томъ—возможно-ли изъять и какимъ путемъ изъ частнаго владѣнія землю, нынѣ находящуюся въ означенныхъ поселкахъ на правахъ общаго пользованія, а именно—подъ площадями, улицами, проулками и т. п. Если возможно, то имѣть-ли владѣлецъ земли какое-либо право на полученіе вознагражденія, или переходъ этой земли, съ введеніемъ городского положенія, eo ipso, долженъ произойти безмездно въ безрочное пользованіе городскихъ обывателей. Какъ мы слышали, большинство членовъ комисіи высказалось за предоставленіе вновь формируемымъ городамъ, съ введеніемъ въ нихъ городского положенія 1892 г., всѣхъ земель, находящихся въ общемъ пользованіи, въ ихъ собственность, причѣмъ земли, находящіяся подъ недвижимыми имуществами и входящія въ составъ усадебъ городскихъ обывателей, должны оставаться собственностью владѣльцевъ, отдавшихъ означенныя земли во временное пользованіе лицъ, возведшихъ на нихъ тѣ или нынѣ постройки и сооруженія. Что касается до поселковъ, расположенныхъ не на владѣльческихъ земляхъ, требующихъ значительнаго внѣшняго благоустройства, то въ нихъ признано желательнымъ значительно усилить полицейскій надзоръ, съ обязательнымъ предьявленіемъ къ нимъ требованій извѣстныхъ правилъ строительнаго устава. Къ категоріи такого рода поселеній относятся, между прочимъ, многія изъ дачныхъ мѣстностей Петербургской и Московской губерній, требующихъ значительныхъ расходовъ по благоустройству, каковыя на мѣстное населеніе, въ виду его бѣдности, не могутъ быть возложены полностью, почему привлеченіе пришлага (лѣтняго) населенія (дачниковъ) къ участию въ расходахъ является крайне желательнымъ. Проектъ привлеченія дачниковъ къ участию въ расходахъ по благоустройству взялъ на себя трудъ составить одинъ изъ членовъ комисіи; по обсужденіи проекта комисією будутъ установлены соотвѣтственныя мѣры къ привлеченію пришлага населенія въ расходахъ по благоустройству дачныхъ поселковъ.

Особымъ циркуляромъ министерства финансовъ разъяснено, что къ **оплатѣ будутъ принимаемы ассигновки** лишь съ такимъ печатнымъ текстомъ, который изготовляется типографскими либо литографскими способами, но отнюдь не посредствомъ пишущей машины или гектографа, съ тѣмъ, однако, чтобы цифровыя данныя въ такихъ ассигновкахъ (смѣтный періодъ,

параграфъ, сумма выдачи, разнаго рода удержанія и фамилія кредитора) были прописываемы непременно отъ руки.

Въ 4 отдѣленіи угол. касс. деп. Пр. Сената слушалась недавно **кассац. жалоба Диманта на оправдательный приговоръ** Одесской судебной палаты, по обвиненію Городецкаго и др. въ клеветѣ.

По этому дѣлу судебная палата, отвѣтивъ утвердительно на вопросы о виновности подсудимыхъ и на вопросъ о наказаніи ихъ, что они подлежатъ наказанію, утвердила оправдательный приговоръ окружнаго суда.

Пр. Сенатъ, находя, что при такомъ прямомъ противорѣчій приговора съ содержаніемъ данныхъ на вопросы отвѣтовъ, приговоръ этотъ не можетъ быть оставленъ въ силѣ (рѣш. у. к. д. 1870 г. № 441); 3-е, что хотя въ особомъ опредѣленіи отъ 24 сентября 1898 г. участвовавшіе въ засѣданіи палаты члены ея и удостоверяють, что данныя на вопросы отвѣты изложены на вопросномъ листѣ невѣрно по ошибкѣ предѣательствававшего въ засѣданіи, но это объясненіе, при обсужденіи силы и значенія постановленнаго приговора, не можетъ быть принято во вниманіе, какъ потому, что отвѣты на вопросы подписаны всѣми участвовавшими въ засѣданіи членами палаты, такъ и потому, что отвергать достовѣрность дѣйствій своихъ, относящихся къ постановленію приговора, палата не имѣетъ никакого права, и 4-е, что указанныя дѣйствія палаты свидѣтельствуя о явномъ невниманіи и полной небрежности, допущенныхъ присутствіемъ при разрѣшеніи по настоящему дѣлу поставленныхъ вопросовъ и подписаніи данныхъ на нихъ отвѣтовъ, служащихъ по закону основаніемъ постановляемыхъ по уголовнымъ дѣламъ приговоровъ, постановилъ отмѣнить обжалованный приговоръ, а о неправильныхъ дѣйствіяхъ состава присутствія палаты, рѣшавшаго это дѣло, сообщить въ дѣлѣмъ соединенному присутствію 1-го и касс. деп. Правительствующаго Сената.

10 февраля, послѣ трехдневнаго разбирательства при закрытыхъ дверяхъ С.-Петербургскій окружный судъ объявилъ резолюцію по **дѣлу ксендза Бѣлякевича**. Признанный виновнымъ въ самовольномъ лишеніи свободы, соединенномъ съ истязаніями въ восьми случаяхъ, причѣмъ въ пяти случаяхъ ему дано снисхожденіе, ксендзъ Бѣлякевичъ, 26 лѣтъ, на основаніи 1540, 1542, 1489, 149, 2 и 3 ст. 31, 142 ст. улож. о наказ. и 823 ст. у. у. с., приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе восьми лѣтъ.

8 февраля въ С.-Петербургской судебной палатѣ слушалось **дѣло по обвиненію прис. повѣреннаго Булацеля въ оскорбленіи словомъ присутственнаго мѣста** (1 ч. 282 ст. ул. о нак.).

Обстоятельства дѣла таковы:

21 мая 1898 года въ Ревелѣ, въ публичномъ засѣданіи сѣзда мировыхъ судей, разбиралось дѣло по обвиненію крестьянина Юрія Керта въ мошенничествѣ. Апелляціонный отзывъ на оправдательный приговоръ мирового судьи по этому дѣлу поддерживалъ прис. пов. Булацель, который въ своей рѣчи началъ ссылаться на практику другихъ судовъ по однороднымъ дѣламъ, но былъ остановленъ предсѣдательствовавшимъ и приглашенъ не приводить примѣровъ, не имѣющихъ значенія для мирового сѣзда. Тогда Булацель сказалъ: „Хотя я вижу, что рѣшеніе по этому дѣлу уже раньше написано и лежитъ на столѣ, но...“ На этихъ словахъ онъ былъ остановленъ предсѣдательствовавшимъ и затѣмъ противъ оратора возбуждено обвиненіе по 1 части 282 ст. улож. о наказ., мотивированное тѣмъ, что Булацель позволилъ себѣ оказывать присутствію мирового сѣзда явное неуваженіе, заявивъ, что будто бы рѣшеніе по настоящему дѣлу „уже написано и лежитъ на столѣ“ и высказавъ этими словами свою оскорбительную увѣренность въ предубѣжденномъ отношеніи присутствія къ даннымъ, обнаруженнымъ при судебномъ разбирательствѣ и объясненіяхъ сторонъ.

Судебная палата опредѣлила: оправдательный приговоръ о Булацелѣ ревельскаго окружнаго суда утвердить.

Въ Казанскомъ окружномъ судѣ слушалось недавно дѣло по обвиненію сельскаго старосты **д. Елжихова, Ядринскаго уѣзда, Андреева въ истязаніяхъ при отправленіи должности.** Крестьянка Иванова слыла въ народѣ за „емзю“ (колдунью), которая молится „керемети“ (злomu чувашскому духу). Слухи эти были извѣстны сельскому начальству; и вотъ однажды на сельскомъ базарѣ сельскій староста Романъ Андреевъ узналъ отъ сосѣда Ивановой, что колдунью Иванову можно застать на мѣстѣ преступленія. Андреевъ съ понятными немедленно отправился къ Ивановой, для производства дознанія. Здѣсь онъ засталъ Иванову молившейся предъ двухкопѣечной мѣдной монетой около сарая ея сосѣда, тутъ же прилѣплена была зажженная восковая свѣча, которая уже догорала. Увидѣвъ все это, староста безъ всякаго повода со стороны Ивановой ударилъ ее раза три кулакомъ, а потомъ, поднявъ у ней рубаху, посадилъ ее обнаженнымъ тѣломъ въ крапиву. Окружный судъ приговорилъ Андреева къ аресту на 2 мѣсяца.

На дняхъ въ сѣздѣ мир. судей Таганрогскаго округа слушалось по жалобѣ засѣдателя Гладкова на оправдательный приговоръ миров. судьи дѣло по обвиненію **кр. Спасенковой въ оклеветаніи Гладкова,** будто онъ нещадно бьетъ людей и будто одинъ изъ такихъ побитыхъ, посаженный въ кордегардію въ ночь подъ 1 января 1898 г., тамъ умеръ. Цѣлый рядъ свидѣтелей удостовѣрили, что засѣдатель билъ ихъ и въ кордегардію сажалъ за то, „что дочь его нечаянно толкнули въ церкви“; что послѣ побоевъ „зубы болѣли и выкрошились“; билъ за то, что „сотскаго при камерѣ не было“, и даже безъ видимыхъ причинъ.

Мировой сѣздъ, найдя, что сообщенный Спасенковой фактъ смерти какого-то человѣка отъ побоевъ

Гладкова ничѣмъ не подтвердился, приговорилъ: подвергнуть Спасенкову аресту при арестномъ домѣ на 4 дня. („Приаз. Кр.“).

„Днѣпр. Молва“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности **консультационнаго бюро повѣренныхъ** при Екатеринославскомъ окр. судѣ.

Бюро открыло свои дѣйствія въ іюлѣ 1898 г. За полгода его существованія было дано около 300 совѣтовъ, среди которыхъ были и случаи составленія бумагъ. Дежурства отбывались ежедневно, во всѣ присутственные дни, всегда двумя консультантами. Помощь консультаціи населенію была въ громадной массѣ бесплатной, такъ что приходъ консультаціи равнялся лишь 16—18 руб. въ мѣсяцъ, чего, конечно, едва хватало на текущіе расходы. Наибольшій контингентъ лицъ, обращающихся въ консультацію, состоялъ изъ крестьянъ и мѣщанъ. Бывали случаи отказа въ дачѣ совѣта въ виду завѣдомой состоятельности лицъ, обращающихся за таковымъ въ бюро.

Дѣятельность по бесплатной защитѣ въ выѣздныхъ сессіяхъ суда отправлялась членами бюро всего въ 4 случаяхъ. Обстоятельство это зависѣло исключительно отъ недостатка средствъ.

Озабочиваясь болѣе широкимъ развитіемъ этой стороны дѣятельности бюро, совѣтъ послѣдняго обратился ко всѣмъ уѣзднымъ земствамъ и къ екатериносл. гор. управѣ за помощью, прося ихъ ассигновать хотя бы по 100 р. для развитія этой стороны дѣятельности бюро. Екатериносл. уѣздн. земство и екатериносл. гор. управа ассигновали по 100 руб., всѣ же остальные уѣздныя земства отвѣтили отказомъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ с. г., въ военно-морскомъ судѣ въ Севастополѣ, будетъ разсматриваться громкое дѣло о **злоупотребленіяхъ по поставкѣ минеральнаго топлива.** Обвиняемыхъ свыше 50 чел. Свидѣтелей будетъ вызвано до 500. Защитниками выступаютъ прис. пов. Карабчевскій, Протопоповъ, Литвицкій, Кюри и др. Разборъ дѣла, какъ предполагаютъ, будетъ продолжаться около 2-хъ мѣсяцевъ. („Нов.“).

По инициативѣ Никольскаго уѣзднаго земскаго собранія Вологодской губерніи возбуждено **ходатайство объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ.** Мотивомъ къ возбужденію такого ходатайства, между прочимъ, послужили факты обнаружившейся потребности имѣть по возможности большее количество представителей отъ различныхъ мѣстностей уѣзда.

Нѣкоторыми изъ земствъ, обсуждавшими **вопросъ объ измѣненіи статей земскаго положенія и назначеніи,** что зависимое положеніе старшинъ и волостныхъ писарей въ земскихъ собраніяхъ во многихъ случаяхъ препятствуетъ имъ быть свободными выразителями пользы и нуждъ мѣстнаго крестьянскаго населенія, въ то же самое время признано, что подобная зависимость, въ равной степени, можетъ быть вообще

примѣнима ко всѣмъ гласнымъ отъ сельскихъ обществъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ земствъ Вологодской губерніи, при существующей организаціи выборовъ или, точнѣе, при назначеніи гласныхъ отъ крестьянъ, нельзя признать наличности условій, благоприятствующихъ крестьянскому представительству; правильная постановка представительства отъ сельскихъ обществъ въ земскихъ собраніяхъ можетъ быть достигнута лишь путемъ предоставленія волостнымъ сходамъ права избирать гласныхъ, а не кандидатовъ лишь въ гласные, и путемъ увеличенія общаго числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ.

Въ практикѣ Устюгскаго земства Вологодской губерніи въ настоящее время былъ разрѣшенъ интересный вопросъ—**можетъ-ли земское собраніе уволить отъ должности врача, находящагося на земской службѣ.** Мѣстное губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, признавшее постановленіе уѣзднаго земскаго собранія объ увольненіи одного изъ врачей неправильнымъ и незаконнымъ, отмѣнивъ это послѣднее, признало, что приглашеніе и назначеніе на службу земскихъ врачей предоставлено земскимъ управамъ, почему отъ нихъ же должно зависѣть и увольненіе ихъ отъ должности. Правильность такого толкованія подтверждена рѣшеніемъ Сената, оставившаго присенненую на вышеприведенное постановленіе присутствія жалобу земской управы безъ всякихъ послѣдствій.

Устюгскимъ уѣзднымъ земствомъ Вологодской губерніи, при обсужденіи **вопроса объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей земскаго положенія**, высказанъ, между прочимъ, по предмету о признаніи всѣхъ председателей уѣздныхъ земскихъ управъ членами подлежащихъ губернскихъ земскихъ собраній по должности, независимо отъ выбора ихъ въ губернскіе гласные, рядъ доводовъ въ пользу разрѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ. Между этими доводами особаго вниманія заслуживаетъ то соображеніе, что съ введеніемъ председателей уѣздныхъ управъ въ составъ губернскаго собранія достигается значительное увеличеніе числа губернскихъ гласныхъ вообще и представителей каждаго изъ уѣздовъ—въ особенности. Это обстоятельство является крайне важнымъ въ виду того, что число гласныхъ по земскому положенію 1890 г. очень сокращено. Но, независимо отъ этого, бываютъ случаи, когда происходятъ перемѣны председателей въ теченіе трехлѣтія, причемъ лицо, оставившее по какому-либо поводу должность председателя, можетъ въ то же время остаться въ числѣ губернскихъ гласныхъ, тогда какъ вновь избранный председатель, если не былъ раньше губернскимъ гласнымъ, не можетъ входить въ составъ губернскаго собранія, между тѣмъ во многихъ случаяхъ, при разрѣшеніи на губернскомъ собраніи вопросовъ земскаго хозяйства или ходатайствъ уѣздныхъ земствъ, важны разъясненія со стороны именно председателя уѣздной управы, какъ главнаго руководителя земскаго дѣла въ уѣздѣ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, тѣмъ же земствомъ было указано на необходимость, чтобы правами губернскаго гласнаго не могли пользоваться лица, назначенныя

исправлять должности председателей управъ административнымъ порядкомъ, такъ какъ они ни прямо, ни косвенно не получили избирательныхъ полномочій отъ уѣздныхъ земствъ.

Въ послѣднее время въ Уфимской губерніи все болѣе и болѣе распространяется **своеобразная форма землевладѣнія** крестьянъ, извѣстная подъ общимъ наименованіемъ „прикупокъ“. Этотъ видъ землевладѣнія состоитъ въ приобрѣтеніи крестьянскими товариществами участковъ земли, на которыхъ товарищи не селятся, но которые являются подспорными для ихъ хозяйствъ угодыями; основнымъ же землевладѣніемъ у такихъ товариществъ является надѣльная земля или другіе участки собственной земли, гдѣ владѣльцы имѣютъ свою осѣдность. Въ общемъ, случаи такихъ прикупокъ являются довольно часто и по свѣдѣніямъ губернской управы въ Белебеевскомъ напр. уѣздѣ, въ истекшемъ 1896 году, такихъ „прикупокъ“ числилось выше 30, причемъ площадь, входящая въ подобный видъ землевладѣнія въ упомянутомъ выше уѣздѣ равна 10,516 десятинамъ, что составляетъ 0,5% площади всего уѣзда. Указанное число десятинъ принадлежало болѣе чѣмъ 1,030 владѣльцамъ (членамъ товариществъ).

Въ виду проектируемаго **перехода надзора за проституціей** изъ вѣдѣнія полиціи въ вѣдѣніе города, по примѣру Москвы, гдѣ отъ этого получились прекрасные результаты, русскимъ сифилидологическимъ и дерматологическимъ обществомъ, по просьбѣ города, выработанъ проектъ, по которому дѣло надзора за проституціей въ столицѣ перейдетъ въ вѣдѣніе особой комиссіи подъ предѣтельствомъ городского головы, при участіи представителей различныхъ врачебныхъ и общественныхъ учреждений, прокурорскаго надзора и др. Медицинская часть надзора за проституціей, согласно проекту, возложена будетъ на особое бюро подъ предѣтельствомъ старшаго врача Калинкинской больницы.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Уголовное отдѣленіе.

Засѣданіе 6-го февраля было посвящено докладу А. А. Левенстима „о конокрадствѣ съ юридической и бытовой стороны“. Докладчикъ выставилъ слѣдующія положенія:

1) Въ дѣйствующія карательныя постановленія о конокрадствѣ необходимо внести слѣдующую поправку: часть 2-ую статьи 931 улож. наказ. перенести въ статью 1654 того же уложенія въ видѣ второй ея части.

2) Усиленіе наказаній на конокрадство посредствомъ замѣны тюрьмы и арестантскихъ отдѣленій ссылкой въ Сибирь на поселеніе необходимо признать безусловно нежелательнымъ.

3) Борьба съ конокрадствомъ должна вестись: а) главнымъ образомъ путемъ принятія дѣлаго ряда мѣръ къ предупрежденію самаго преступленія и б) путемъ улучшенія розыска и слѣдствія по дѣламъ сего рода.

4) Для успѣшнаго подавленія конокрадства необходимо прежде всего всестороннее изученіе въ отдѣльных мѣстностяхъ причинъ его развитія и формъ его проявленія.

Указавъ на пагубное значеніе конокрадства въ экономическомъ быту крестьянъ, докладчикъ представилъ очеркъ русскаго законодательства о конокрадствѣ, причемъ отмѣтилъ, что только съ уложенія 1845 г. это преступленіе выдѣлилось отчасти изъ прочихъ видовъ воровства—кражи, и одновременно (въ 1848 г. и 1849 г.) появились законы, имѣющіе цѣлью предупредить дальнѣйшее его усиленіе.

Затѣмъ, дѣйствующее право основано на законѣ 18 марта 1880 г., вызывающемъ серьезныя замѣчанія по поводу той формы, въ которой онъ вошелъ въ уложеніе. Именно, профессиональный скупъ и сбытъ краденыхъ лошадей попалъ не въ главу о кражахъ, а въ ст. 931 уложенія, находящуюся въ главѣ о шайкахъ, и вслѣдствіе этого суды, основываясь на рѣшеніяхъ Сената по дѣламъ Максимова (1875 г.) и Тихомірова (1878 г.), примѣняли эту статью лишь въ томъ случаѣ, если скупались по ремеслу лошади, добытыя шайкой; а послѣднее обстоятельство очень рѣдко удается доказать. Поэтому желательно отмѣнить 2-ую часть ст. 931 и перенести изложенное въ ней положеніе въ ст. 1654¹, которая такимъ образомъ будетъ предусматривать, наряду съ профессиональнымъ конокрадствомъ, и торговлю крадеными лошадьми.

Остановившись затѣмъ на предложеніяхъ, нерѣдко дѣлаемыхъ земскими собраніями,—назначать за конокрадство ссылку на поселеніе въ Сибирь, и притомъ по возможности въ административномъ порядкѣ, въ виду трудности уличенія конокрадовъ, докладчикъ высказалъ, что эта мѣра не выдерживаетъ критики ни съ точки зрѣнія общегосударственной (ибо она представляется лишь перенесеніемъ зла съ одного мѣста въ другое), ни съ точки зрѣнія чисто судебной (которая несомнѣнима съ принятіемъ такихъ суровыхъ мѣръ безъ суда), ни уголовно-политической (несмотря на широкое развитіе административной ссылки, конокрадство не убываетъ). Борьба съ конокрадствомъ должна вестись главнымъ образомъ на почвѣ предупрежденія этого преступленія, а для этого необходимо всестороннее и внимательное его изученіе. Здѣсь имѣютъ весьма важное значеніе статистическія данныя о количествѣ, мѣстѣ и времени кражъ (приведенныя въ изобиліи докладчикомъ), свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, благоприятствующихъ развитію конокрадства, объ организаціи конокрадовъ. Въ этой области сдѣлано пока очень мало, но и на основаніи имѣющагося матеріала можно придти къ нѣкоторымъ практическимъ выводамъ и рекомендовать цѣлый рядъ мѣръ (систематизацію и улучшеніе розыска, усиленіе общественной самодѣятельности въ борьбѣ съ конокрадами, усиленіе охраны скота, выдача премій за нахожденіе похищенныхъ лошадей и др.). Что же касается одной примѣняемой въ Пруссіи мѣры—установленіе особыхъ лошадиныхъ билетовъ, то она страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и паспортная система, стѣняя чест-

ныхъ людей и нисколько не затрудняя преступниковъ¹).

Передъ началомъ преній И. Я. Фойницкій указалъ на множество важныхъ практическихъ указаній, сдѣланныхъ въ докладѣ, и на данную имъ общую оцѣнку разрабатываемаго вопроса, который рассмотрѣтъ со всѣхъ сторонъ, причемъ выдвинута въ высшей степени доказательно та мысль, что необходимо улучшить *предупрежденіе* преступленія, чѣмъ и будетъ усилена репрессія.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ приняли участіе Н. А. Крыловъ (гость), М. В. Головинскій, М. М. Боровитиновъ и Г. Г. Евангуловъ.

Н. А. Крыловъ, приведя нѣсколько данныхъ, иллюстрирующихъ бытовую сторону конокрадства: явленія самосуда, страха передъ конокрадами и равнодушнаго отношенія къ нравственной сторонѣ дѣла, находилъ, что наказанія не надо увеличивать, но надо удалить конокрадовъ изъ той среды, гдѣ они дѣйствовали, а для этого необходимо ввести ссылку.

М. В. Головинскій подтвердилъ положеніе докладчика о бесполезности „лошадиныхъ паспортовъ“ и указывалъ на нѣкоторые своеобразные способы суда Линча надъ конокрадами.

М. М. Боровитиновъ возражалъ противъ перваго положенія доклада, доказывая, что покупка завѣдомо краденаго, не будучи преступленіемъ противъ собственности, совершенно правильно помѣщена въ ст. 931, говорящей не о шайкахъ, а о пристанодержательствѣ. Что же касается репрессій, то, по мнѣнію оппонента, если административная ссылка нежелательна, то поселеніе по суду, пока эта мѣра еще уцѣлѣла въ законодательствѣ, въ особенности желательно въ примѣненіи къ конокрадамъ. Устанавливаемый проектомъ исправительный домъ не поможетъ.

Г. Г. Евангуловъ остановился на юридической сторонѣ реферата. Перенесеніе ч. 2 ст. 931 въ ст. 1654, неоправдываемое теоретическими соображеніями, не вызывается и практической необходимостью. Сенатская практика, на которую указываетъ референтъ, относилась ко времени до изданія закона 1880 г. Въ рѣшеніи по дѣлу Карева 1883 г. Сенатъ, отступивъ отъ прежней практики, высказалъ мысль о возможности примѣненія ч. 2 ст. 931 въ случаяхъ, когда профессиональный скупщикъ краденыхъ лошадей не знаетъ о существованіи шайки.

Необходимо дальнѣйшее усиленіе ответственности за профессиональное конокрадство. Многочисленные случаи суда Линча надъ конокрадами указываютъ не только на то, что участники самосуда не увѣрены въ достаточности для суда уликъ противъ даннаго конокрада, но и на то, что народъ не считаетъ достаточными наказанія установленныя въ уголовномъ уложеніи за кражу лошадей въ видѣ промысла. Въ раецѣнкѣ преступленій законодатель не можетъ не считаться съ народными воззрѣніями.

Докладчикъ, отвѣчая на возраженія противъ перваго тезиса, ограничился замѣчаніемъ, что приведенное сенатское рѣшеніе по дѣлу Карева не имѣетъ того

¹) Докладъ А. А. Левенстима напечатанъ цѣльнымъ въ № 2 „Вѣстника Права“.

смысла, который видитъ въ немъ Г. Г. Евангуловъ, и что до настоящаго времени суды всегда руководятся тѣми разъясненіями, которыя даны по указаннымъ въ докладѣ дѣламъ Максимова и Тихомірова,—т. е. для примѣненія ст. 931 требуютъ доказанной наличности шайки.

Библиографія.

Журналъ Министерства Юстиціи 1899 г. № 1.

Въ официальномъ отдѣлѣ обращаетъ вниманіе представленіе министерства юстиціи въ Государственный Совѣтъ объ увеличеніи окладовъ содержанія членамъ окружныхъ судовъ.

„Въ современномъ судебномъ строѣ, члены окружныхъ судовъ несутъ весьма важныя и отвѣтственныя функціи, причѣмъ не только успѣшное и правильное управленіе правосудія, но самое достоинство и авторитетъ суда находятся въ ближайшей зависимости отъ опытности, знаній, трудолюбія и высокихъ нравственныхъ качествъ тѣхъ лицъ, коимъ ввѣрено исполненіе судейскихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого, дабы привлечь на означенныя должности и удержать на нихъ усердныхъ дѣятелей, стоящихъ на высотѣ своего призванія, необходимо обезпечить ихъ хотя бы настолько, чтобы они были избавлены отъ тяжкихъ заботъ объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей жизни“.

Между тѣмъ, по имѣющимся въ министерствѣ свѣдѣніямъ, положеніе членовъ суда, не получающихъ добавочныхъ окладовъ, по истинѣ безотраднo.

„Значительное большинство (70%) не имѣютъ никакого личнаго обезпеченія и живутъ исключительно на получаемое жалованье“.

Установленное штатами 1865 г., это жалованье (2,078 р. вѣ годъ) „въ настоящее время, вслѣдствіе вздорожанія въ послѣднее тридцатилѣтіе всѣхъ предметовъ первой необходимости, представляется настолько незначительнымъ, что члены окружныхъ судовъ, въ особенности семейные, не только лишены самыхъ скромныхъ удобствъ жизни, но нерѣдко находятся въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ. Многие изъ нихъ, благодаря дороговизнѣ жизни, испытываютъ такой недостатокъ въ средствахъ, что вынуждены жить при самой скудной, антигигиенической обстановкѣ—въ сырыхъ подвальныхъ или чердачныхъ помѣщеніяхъ, или же на отдаленныхъ окраинахъ города, довольствоваться грубою пищею, ходить въ ветхомъ платьѣ и даже обходиться безъ прислуги. Такое положеніе совершенно не соответствуетъ званію и достоинству судьи, отправляющаго правосудіе по указу Императорскаго Величества“.

„Честнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, доходившимъ до героизма при той тяжелой обстановкѣ, въ которой протекаетъ ихъ частная жизнь, русскіе судьи приобрѣли право на особенную заботливость правительства объ улучшеніи ихъ быта“.

Соединенные департаменты, раздѣляя вполнѣ соображенія министра юстиціи, постановили учредить съ 1 января 1899 г. 122 новыхъ добавочныхъ оклада, а съ 1 января 1900—еще 562. Если же это окажется невозможнымъ безъ чрезмѣрнаго обремененія госуд. казначейства, то разсчитать предстоящій расходъ на два года, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 1900 и 1901 годовъ предположенія министра юстиціи были безусловно осуществлены въ полномъ объемѣ“ (журн. соед. деп. 28 ноября 1898 г. № 102).

Руководствуясь изложенными соображеніями, Государственный Совѣтъ постановилъ мнѣніе объ увеличеніи окладовъ содержанія членамъ окружныхъ судовъ, удостоенное въ 18 день января 1899 года

Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

Такимъ образомъ, не позже чѣмъ черезъ два года всѣ члены окр. судовъ будутъ получать увеличенное содержаніе. Нельзя не сказать, что глубоко справедливыя соображенія министра юстиціи, *mutandis mutandis*, буквально примѣнны и ко всей судебной магистратурѣ. Поэтому, увеличеніе содержанія всѣхъ остальныхъ судебныхъ дѣятелей является вопросомъ настоятельной и неотложной важности. Но было бы въ высшей степени нежелательно достигнуть этого увеличеніемъ судебныхъ доходовъ, какъ то предлагаетъ министерство финансовъ.

Судебныя пошлины и всякіе сборы по производству дѣла и теперь ложатся тяжелымъ, часто непосильнымъ, бременемъ на тяжущихся, и въ интересахъ правосудія слѣдовало бы стремиться къ уменьшенію ихъ, а никакъ не къ дальнѣйшему отягощенію нуждающихся въ защитѣ и покровительствѣ суда.

Статья Н. Г. Привтца „Проектъ вотчиннаго устава и землевладѣнія“ представляетъ большой интересъ, какъ въ виду важности затронутаго въ ней вопроса, законодательное разрѣшеніе котораго теперь на очереди, такъ и въ виду критическаго отношенія автора къ проекту. Этой критикѣ авторъ предпосылаетъ крайне сжатый очеркъ мѣропріятій нашего правительства по укрѣпленію правъ на недвижимое имущество. Мѣропріятія до Екатерины II „не отличались ни единствомъ направленія, ни рѣшительностью, ни яснымъ сознаніемъ конечной ихъ цѣли“. „Выдающееся значеніе принадлежить предпріятому при Екатеринѣ II государственному генеральному межеванію земель“. Авторъ идетъ такъ далеко въ этомъ отношеніи, что полагаетъ, что „правительство приближалось къ приведенію въ извѣстность наличнаго состава землевладѣнія“. Но законъ 1787 г. о земской давности и ограниченное толкованіе судомъ постановленія объ изытаніи отъ дѣйствій давности мѣръ генеральнаго межеванія привели къ тому, что „въ настоящее время . . . великое дѣло Императрицы Екатерины II потеряло почти всякое юридическое и практическое значеніе“. Ссылаясь на статистическія данныя, авторъ указываетъ на то, что въ послѣдніе 30 лѣтъ стало преобладать въ земельныхъ отношеніяхъ самовольство. . . . число случаевъ нарушенія владѣнія превышало въ полтора раза число случаевъ перехода вотчинныхъ правъ отъ однихъ лицъ къ другимъ въ законномъ порядкѣ и въ 10 разъ количество возникшихъ ежегодно тяжбъ о недвижимыхъ имуществахъ“. Такимъ образомъ, мѣропріятія нѣсколько столѣтій „не привели къ осязательнымъ результатамъ“. Авторъ придаетъ особенное значеніе Высоч. утв. 8 іюня 1893 г. мнѣнію Гос. Совѣта о правилахъ опѣнки недвижимыхъ имуществъ для обложенія земскими сборами. Въ виду этихъ правилъ „проектъ вотчиннаго устава поступаетъ на обсужденіе законодательной власти при обстоятельствахъ, значительно изменившихся противъ существовавшихъ въ 1831 г., когда были преодоланы главныя основанія его составленія“. Авторъ полагаетъ, что „для удовлетворенія ближайшей, не терпящей отлагательства потребности достаточно составить . . . карту настоящаго наличнаго владѣнія въ каждой дачѣ генеральнаго межеванія . . . одновременно будутъ выяснены мѣстонахожденіе, приблизительныя границы и пространство владѣній всѣхъ наличныхъ собственниковъ“. Но именно это положеніе остается мало обоснованнымъ, и такимъ образомъ остается недоказаннымъ главный упрекъ въ томъ, что „вотчинная система ставитъ своей задачей одно установленіе юридической крѣпости и опредѣленности права на недвижимое имущество“. Точно также едва ли возможно согласиться и съ упрекомъ въ томъ, что предполагается *постепенное* введеніе вотчинной системы. Благодаря этому, неопредѣленное

положеніе (внесенная и не внесенная въ вѣтч. книги собственности) можетъ, по мнѣнію автора, „продолжаться до безконечности“. Но такъ какъ къ числу случаевъ обязательной записи проектъ относитъ всѣ тѣ, когда требуется совершеніе крѣпостнаго акта, при наслѣдованіи по закону и завѣщанію, то очевидно, что „до безконечности“ переходное положеніе длиться не можетъ.

Чрезвычайно интересныя и важныя данныя сообщаетъ г. Е. Н. Тарновскій въ статьѣ: „Движеніе преступности въ зап. Европѣ“. Авторъ останавливается преимущественно на Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. Въ Англіи совершается неизмѣнное паденіе преступности; главнымъ образомъ уменьшились преступления противъ собственности, но и преступленія противъ личности—особенно crimes of violence—сократились весьма замѣтно. Весьма характерно, что на ряду съ этимъ замѣчается существенное ослабленіе уголовной репрессіи: теперь въ Англіи къ каторжнымъ работамъ и казни не приговаривается и 2% осужденныхъ, а въ тридцатыхъ годахъ почти 1/4 часть (24,5%). И однако „тѣ именно преступленія, за которыя наиболѣе угрожали смерть и каторга до смерти въ тридцатыхъ годахъ, наиболѣе и сократились въ числѣ съ того времени“. Наиболѣе значительнымъ представляется съ перваго взгляда сокращеніе преступности малолѣтнихъ; но здѣсь авторъ отмѣчаетъ ошибку, корящуюся въ томъ, что въ число осужденныхъ не включены тѣ несовершеннолѣтніе, которые отправлены по приговорамъ суда въ Reformatory schools, и малолѣтніе, помѣщенные въ Industrial schools, присужденные къ тѣлесному наказанію. Но и за всѣмъ тѣмъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ послѣдніе 30 лѣтъ дѣтская преступность въ Англіи сократилась на 30%.

Иное движеніе преступности замѣчается во Франціи. Съ 1831 по 1880 г. преступность возросла на 106% (причемъ исключены всякія искусственныя причины, вызвавшія новые виды преступности); населеніе же Франціи за то же время увеличилось менѣе чѣмъ на 15%. За 25 л. послѣ франко-прусской войны увеличеніе преступности достигло 25%, между тѣмъ какъ населеніе возросло только на 6%. Но за послѣдніе годы замѣчается общее пониженіе преступности противъ чужого имущества и тяжкихъ преступленій противъ личности и нравственности, возрастаютъ же особенно нищенство, бродяжество, а также нанесеніе побоевъ и легкихъ ранъ. Процентъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ обнаруживаетъ, хотя и слабою, тенденцію къ повышенію. Приблизительно та же картина развѣртывается и въ Германіи: за послѣдніе 14 л. преступность возросла не менѣе чѣмъ на 58%, главнымъ образомъ благодаря увеличенію числа случаевъ Körperverletzung; преступность противъ чужого имущества остается почти неизмѣнной. Точно также и въ Австріи преступленія и проступки противъ собственности все болѣе уменьшаются, напротивъ легкія тѣлесныя поврежденія сильно возрастаютъ въ числѣ. — Намѣчаемая авторомъ явленія объясняются, по его мнѣнію, тѣмъ, что повышеніе экономическаго благосостоянія естественно должно уменьшить число кражъ, развитіе же потребленія алкоголя въ нижнихъ слояхъ столь же необходимо увеличиваетъ число ссоръ и окорблѣній дѣйствіемъ.

Въ статьѣ „Наше охранительное судопроизводство“ В. Л. Исаченко намѣчаетъ тѣ улучшения, которыя слѣдуетъ, по его мнѣнію, внести въ этотъ отдѣлъ процесса. Въ разсужденіяхъ своихъ авторъ допускаетъ крупную ошибку, не отличая правоспособности отъ дѣеспособности. Наиболѣе цѣнными въ статьѣ В. Л. Исаченко намъ представляются многочисленные указанія на Сенатскую практику, въ разъясненіе нашихъ законовъ объ охранит. судопроизводствѣ.

Статья Г. В. Демченко „Уголовный судъ, какъ особая вѣтвь юстиціи“ пестритъ ссылками на Orloff'a,

Glaser'a, Фойницкаго и массу другихъ курсовъ, и по сравненію съ этими курсами, ничего оригинальнаго не представляетъ.

Д. В. Левандовскій, въ статьѣ „Волостной судъ“, доказываетъ неправильность взгляда губернскихъ присутствій, по указаніямъ которыхъ, вопреки мнѣнію Пр. Сената, волостные суды и уѣздные съѣзды обязаны руководствоваться при разрѣшеніи дѣлъ дѣйствующими процессуальными и матерьяльными законами. При этомъ авторъ высказываетъ совершенно неправильное утвержденіе, будто волостной судъ не можетъ быть названъ судомъ, какъ учрежденіемъ, постановляющимъ судебное рѣшеніе, т. е. примѣняющимъ законъ къ частному случаю. Утвержденіе это тѣмъ болѣе странно, что въ заключеніи статьи авторъ обрушивается на господствующее теперь мнѣніе, будто бы въ средѣ народа никакихъ обычаевъ, кромѣ свадебныхъ, не существуетъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о статьѣ „Учредительство согласно проекту новаго положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ“ (опубликованному въ маѣ 1898 г.) Вл. Вѣлинскаго, въ которой авторъ отмѣчаетъ сильное влияніе на этотъ проектъ нѣмецкаго законодательства. Привѣтствуя переходъ отъ концессионной къ явочной системѣ, авторъ справедливо указываетъ, что переходъ этотъ недостаточно выдержанный и послѣдовательный.

Уставъ уголовного судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Прав. Сената и циркулярами министра юстиціи. Составленъ подъ ред. и д. оберъ-секретаря угол. касс. деп. Пр. Сен. М. Шрамченко пом. об.-секр. того же деп. В. Широковымъ. 1899. Ц. 4 р.

Это изданіе уст. уг. суд. одинаково по своимъ цѣлямъ, съ извѣстнымъ изданіемъ того же устава г. Щегловитова, т. е. оно желаетъ дать юристу-практику полный текстъ уст. со всѣми послѣдующими многочисленными дополненіями и измѣненіями и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить ему отысканіе кассационныхъ рѣшеній, относящихся къ каждому данному вопросу. Что касается первой цѣли, то она, кажется, вполне достигнута гг. издателями. По поводу помѣщенныхъ въ настоящемъ изданіи кассационныхъ рѣшеній нельзя не пожалѣть, что гг. составители не пользовались шире практикой *отдѣлений* угол. касс. деп., какъ это сдѣлалъ г. Шрамченко въ своемъ изданіи устава строительнаго. Было бы вполне возможнымъ приводить хоть тезисы изъ печатныхъ рѣшеній отдѣлений, имѣющихъ принципиальное значеніе, напр. о назначеніи защитника на выѣздныя сессіи (д. Бѣлокопи), о правѣ гражданскаго ответчика на принесеніе отзыва на заочное рѣшеніе (д. Сѣчкарова) и т. д. Весьма цѣннымъ представляется напечатанное въ введеніи (п. 5—8) определеніе расп. засѣд. у. к. д. отъ 27 окт. и 3 ноября 1898 г. о примѣненіи закона 2 іюня 1897 г. по дѣламъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, пока еще не опубликованное; определеніе это разрѣшаетъ, если и далеко не всѣ, то все-таки лѣкѣторую часть безчисленныхъ сомнѣній, возникшихъ при примѣненіи означеннаго закона; поэтому и понятно, какъ важно для каждого практика познаться поскорѣе съ содержаніемъ этого рѣшенія. Самые тезисы, извлеченные изъ рѣшеній Пр. Сената, насколько намъ удалось пока провѣрить ихъ, изложены въ общемъ довольно полно и правильно, что не исключаетъ отдѣльныхъ недосмотровъ, вполнѣ понятныхъ при такой сложной и трудной работѣ. Въ случаѣ противорѣчій въ рѣшеніяхъ, составители изданія приводятъ одно мнѣніе Пр. Сената, а затѣмъ указываютъ въ скобкахъ рѣшенія, въ которыхъ проводится противоположный взглядъ; этотъ приемъ даетъ, одновременно съ краткостью, возможность познаться со всей практикой Сената и выбрать то мнѣніе, которое кажется болѣе правильнымъ. Оты-

сканіе тезисовъ облегчается подробнымъ алфавитнымъ указателемъ; впрочемъ, въ немъ имѣются нѣкоторые пробѣлы; такъ напр., не упоминается здѣсь объ отвѣтственности юридическихъ лицъ и о гражданскихъ отвѣтчикахъ. Въ видѣ приложенія помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ извлеченія изъ

циркуляровъ м. ю. за 1867—1898 г. Не сомнѣваюсь, что настоящее изданіе уст. уг. суд. вскорѣ приобрететъ извѣстность среди практиковъ, и что въ слѣдующихъ изданіяхъ будутъ исправлены тѣ неточности, которыя вкрались въ первое.

А. фонъ-Резонъ.

Судебная и судебно-административная практика.

Первый департаментъ Пр. Сената.

(Право города на взиманіе платы съ неосѣдлаго городского населенія за пользованіе городскими землями.)

Трубчевская городская дума, 12 іюля 1896 г., постановила: взимать за пастьбу на городскомъ выгонѣ съ принадлежащаго евреямъ скота плату по 3 руб. въ годъ съ каждой коровы. Постановленіе это евреями Б., К. и др. было обжаловано орловскому губернскому по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію на томъ основаніи, что упомянутая плата для просителей, какъ лицъ бѣдныхъ, представляется обременительною и, кромѣ того, неправильною, потому что плата за пользованіе городскимъ выгономъ взимается лишь съ однихъ евреевъ. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, усматривая изъ представленныхъ по настоящему дѣлу городскимъ головою объясненій, что изъ всего населенія г. Трубчевска городскимъ общественнымъ управленіемъ привлечены къ платежу за пользованіе городскимъ выгономъ только одни евреи въ виду того, что они не составляютъ осѣдлага населенія города, и что извлеченіе дохода изъ выгонныхъ земель составляетъ по закону право городского общественнаго управленія, по постановленію 5 декабря 1896 г., опредѣлили жалобу просителей оставить безъ послѣдствій. Въ жалобѣ Правительствующему Сенату евреи Будянской, Кругликовъ и друг., не указывая какихъ-либо новыхъ даныхъ, не бывшихъ въ разсмотрѣніи губернскаго присутствія, ходатайствуютъ объ отмѣнѣ изложеннаго его постановленія и объ освобожденіи ихъ отъ платы за пользованіе городскимъ выгономъ.

Пр. Сенатъ нашель, что хотя на основаніи закона 10 ноября 1871 г. (собр. узак. 1871 г. № 125) и неоднократныхъ разъясненій Правительствующаго Сената (ук. 25 сентября 1896 г. № 9379 и друг.) городскимъ общественнымъ управленіемъ и предоставлено право по своему усмотрѣнію распоряжаться городскими выгонными землями въ смыслъ извлеченія изъ оныхъ доходовъ, тѣмъ не менѣе, однако, въ данномъ случаѣ взиманіе трубч. гор. думой съ проживающихъ въ г. Трубчевскѣ евреевъ платы за пастьбу принадлежащаго симъ послѣднимъ скота на городскомъ выгонѣ только потому, что они — евреи и не составляютъ осѣдлага городского населенія, представляется не имѣющимъ законныхъ основаній, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда городское общественное управленіе предоставляетъ тѣ или другія городскія угодья въ общее вѣхъ обывателей пользованіе, то устраненіе отъ такого общаго пользованія части населенія, на основаніи соображеній о національности или мѣстопребыванія, не согласно съ общимъ духомъ нашего законодательства, которымъ не установлено такое разграниченіе городскихъ обывателей по отношенію къ общему пользованію онымъ городскимъ имуществомъ. Признавая по симъ соображеніямъ состоявшееся по настоящему дѣлу постанов-

леніе орловск. губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія не имѣющимъ достаточныхъ основаній, Сенатъ опредѣляетъ: таковое отмѣнить, предписать губ. присутствію войти въ новое разсмотрѣніе дѣла.

3 отдѣленіе угол. касс. департ. Пр. Сената.

(Отказъ рабочаго отъ работы въ случаѣ пониженія заработной платы.)

Разсмотрѣвъ кассационный протестъ тов. прокурора С.-Петербургскаго окруж. суда на приговоръ С.-Петерб. ст. мир. съѣзда по обвиненію мѣщ. С. по 51⁴ ст. уст. о наказ. и принимая во вниманіе, что, на основ. 86 и 92 ст. уст. о промышл. (изд. 1893 г.), наемъ рабочихъ на фабрики и заводы совершается на основаніи общихъ постановленій о личномъ наймѣ, причѣмъ договоры о семъ наймѣ могутъ быть заключаемы выдачею рабочихъ книжекъ, въ коихъ означаются условія найма, самый же наемъ производится, согласно 94 ст. того же устава, на сроки опредѣленный и неопредѣленный, а также на время исполненія какой-либо работы, съ окончаніемъ которой прекращается и самый срокъ найма; что, на основ. 96 ст. того же устава, въ теченіе существованія договора на срокъ, или ранѣе какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ предупрежденія рабочихъ при договорѣ безсрочномъ, воспрещается понижать заработную плату сокращеніемъ числа рабочихъ дней въ недѣлю или часовъ въ сутки, измѣненіемъ правилъ урочной работы и т. п.; что по сему и согласно 2228 ст. 1 ч. X. т. св. зак. гражд. (рѣш. гражд. касс. д.—та 1872 № 211) измѣненіе содержателемъ фабрики или завода условленнаго при наймѣ на срокъ неопредѣленный времени работы, влекущее пониженіе заработной платы, безъ предварительнаго, за двѣ недѣли, предупрежденія рабочихъ о такомъ измѣненіи, составляетъ нарушеніе условій найма, уничтожающее основаніе для дальнѣйшаго существованія договора, который и долженъ почитаться расторгнутымъ, если рабочій не согласится добровольно работать при измѣнившихся условіяхъ, что мировой съѣздъ, установивъ наличность пониженія заработка С. влѣдствіе измѣнившихся условій работы въ типографіи Г., имѣлъ, въ виду вышеизложеннаго, основаніе признать договоръ между Г. и С. прекратившимся не по винѣ послѣдняго и оправдать его поэтому въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 51⁴ ст. уст. о нак., и что приводимыя въ протестѣ ст. 1359 и 1373 улож. о нак. не могутъ служить доказательствомъ того, что и при нарушеніи фабрикантомъ или заводчикомъ условій, на коихъ заключенъ договоръ найма, рабочій обязанъ считать

исполнение принятых на себя по этому договору обязанностей для себя обязательным под угрозою ответственности по 51⁴ ст. уст. о нак., ибо первая из сих статей устанавливает лишь ответственность содержателей и хозяев за притеснение рабочих (разд. VIII гл. 14 отд. I, п. II) понижением их заработной платы, а вторая имѣетъ въ виду лишь отлучку подмастерья отъ мастера или отказъ его отъ работы безъ особой законной на то причины, каковую не можетъ не почитаться нарушение договора со стороны мастера, если бы таковой былъ имъ заключенъ съ подмастерьемъ, Пр. Сенатъ *опредѣляетъ*: кассационный протестъ по сему дѣлу оставить, за силою 174 ст. у. у. с., безъ послѣдствій.

По основному началу гражд. права (ст. 569 т. X ч. 1) всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить. Неисполнение даетъ право требовать отъ обязавшагося удовлетворения во всемъ, что въ договорѣ постановлено. Въ отношеніи личнаго найма на фабричныя и заводскія работы приведенное правило подкрѣпляется, сверхъ того, санкціей уголовного закона. Ст. 51⁴ караетъ арестомъ рабочаго за самовольный отказъ отъ работы.

Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о наказуемости обвиняемаго зависитъ отъ того, составляетъ ли разсматриваемое дѣяніе нарушение заключеннаго договора. Предупреждая о пониженіи заработной платы, т. е. измѣняя необходимое условіе договора личнаго найма (ст. 2218 т. X ч. 1), фабрикантъ предваряетъ о прекращеніи прежняго договора и предлагаетъ рабочимъ вступить въ новый. Послѣдовавшій засимъ отказъ рабочаго отъ работы означаетъ нежеланіе его вступить въ новый договоръ, а такъ какъ договоры основываются на доброй волѣ и непринужденномъ согласіи, то, очевидно, никакого правонарушенія въ отъказѣ при такихъ условіяхъ усмотрѣть нельзя, не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ хозяинъ подлежалъ ответственности предъ рабочимъ за пониженіе платы безъ своевременнаго, вопреки 96 ст. уст. пром., предупрежденія. Непонятной представляется лишь ссылка на рѣшеніе 1812 г. № 211, въ которомъ рѣчь идетъ объ обязанностяхъ хозяина въ случаѣ неисполненія рабочимъ принятыхъ на себя обязательствъ.

Таганрогскій окружный судъ.

(Искъ незаконнорожденнаго ребенка къ наследникамъ отца его объ алиментахъ).

Мѣщанка З. К., лично за себя и въ качествѣ опекуни надъ своими дѣтьми Викторомъ и Ивановомъ, обратилась въ Таганрогскій окружный судъ съ просьбою о взысканіи съ купеческаго сына М. В. пятидесяти тысячъ рублей въ обезпеченіе содержанія просительницы и ея дѣтей. Какъ на основаніе этого требованія, истица указываетъ на свое сожительство съ отцомъ отвѣтчика—Андреемъ В., въ моментъ вступленія въ сожительство бывшаго вдовцомъ. Сожительство длилось съ 1885 по 1893 годъ, и послѣдствіемъ связи было рожденіе въ 1889 и 1891 годахъ двухъ сыновей — названныхъ выше Виктора и Ивана. Разойдясь съ истицею въ 1893 г., А. В. выдалъ ей единовременно 300 рублей и въ дальнѣйшей помощи отказался. Въ январѣ 1898 г. Андрей В. умеръ. Оставшее послѣ него имущество, по стоимости своей равняющееся полумилліону, перешло къ отвѣтчику М. В., который, по мнѣнію истицы, и обязанъ дать средства къ существованію какъ ей, З. К., такъ и ея дѣтямъ.

Окружный судъ нашелъ, что связь А. В. съ просительницею была противозаконнымъ дѣяніемъ, ка-

раемымъ 994 ст. улож. о наказ. Для права полученія обезпеченія какъ для себя лично, такъ и для дѣтей своихъ, истица должна была своевременно возбудить противъ А. В. уголовное преслѣдованіе. Обезпеченіе могло быть присуждено, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, лишь судомъ уголовнымъ, при признаніи имъ доказанной виновности покойнаго А. В. и притомъ одновременно съ наложеніемъ на послѣдняго наказанія. Попытка въ этомъ отношеніи, правда, была сдѣлана истицею; но, какъ видно изъ представленной отвѣтчикомъ копіи опредѣленія суда отъ 19 сентября 1894 года, возбужденное противъ А. В. обвиненіе по 2 ч. 994 ст. прекращено судомъ на основаніи 277 ст. уст. угол. судопр. Такимъ образомъ, при жизни А. В. вопросъ объ его виновности оставался открытымъ, и подымать его теперь вновь, въ порядкѣ гражданскаго процесса, и притомъ съ дѣлюю перенести имущественную отвѣтственность за вину покойнаго А. В. на его наследника—отвѣтчика по настоящему дѣлу — у истицы нѣтъ никакихъ законныхъ основаній. Не даетъ ей этихъ основаній и приведенное въ исковомъ прошеніи рѣшеніе Сената за 1895 г. № 10, какъ трактующее послѣдствія дѣянія, предусмотрѣннаго не 994-ю, а 1531-ю ст. улож. о наказ. (обольщеніе торжественнымъ обѣщаніемъ жениться).

По изложеннымъ соображеніямъ окружный судъ, по выслушаніи заключенія товарища прокурора, опредѣлилъ: въ искѣ З. К. отказать, возложивъ на нее уплату судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

Въ своемъ рѣшеніи окружный судъ исходитъ изъ двухъ положеній. По мнѣнію суда, во-первыхъ, основанное на 2 ч. ст. 994 ул. о нак. требованіе можетъ быть осуществлено не иначе, какъ въ связи съ уголовнымъ преслѣдованіемъ виновныхъ въ противозаконномъ сожитіи и не можетъ быть предъявлено въ порядкѣ гражданскаго процесса, хотя бы возбужденіе уголовного преслѣдованія представлялось невозможнымъ; а во-вторыхъ, обязанность незаконнаго отца содержать своего ребенка есть обязанность чисто личная, не переходящая на наследниковъ.

Что касается перваго положенія, то оно по существу неправильно и противорѣчитъ взгляду, неоднократно высказанному гр. касс. деп. Пр. Сената. Въ рѣшеніяхъ 1880 г. № 182, 1875 г. № 979, 1874 г. № 119 и др. Сенатъ, основываясь, между прочимъ, на ст. 18 у. у. с., призналъ, что гражданскій судъ вправе установить дѣйствительность событія, заключающаго въ себѣ признаки уголовного преступленія или проступка и послужившаго основаніемъ къ предъявленію иска, если уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено. Это общее положеніе въ рѣшеніяхъ 1880 г. № 182 и 1888 г. № 17 примѣняется Сенатомъ и къ тому случаю, когда уголовное преслѣдованіе становится невозможнымъ за смертью отца вѣнбрачнаго ребенка. Притомъ Сенатъ вполнѣ правильно установилъ, что въ указанномъ случаѣ было бы безцѣльно возбуждать уголовное преслѣдованіе хотя бы только противъ соучастницы отца въ предусмотрѣнномъ въ ст. 994 дѣяніи, т. е. противъ матери вѣнбрачнаго ребенка; противозаконное сожитіе подлѣжитъ вѣдѣнію свѣтскаго суда лишь въ томъ случаѣ, если съ уголовнымъ преслѣдованіемъ соединено требованіе объ обезпеченіи ребенка; мать послѣдняго можетъ быть судима уголовнымъ судомъ только совмѣстно съ отцомъ ребенка, къ которому предъявлено указанное требованіе, а при невозможности возбудить уголовное преслѣдованіе противъ него должна быть судима судомъ церковнымъ (р. уг. к. деп. 1875 г. № 511).

Правильность второго положенія окружного суда—личный характеръ устанавливаемой 2 ч. ст. 994 обязанности—при отсутствіи прямого постановленія закона зависить отъ взгляда на юридическую природу обязанности отца содержать своего ребенка.

Какъ извѣстно, въ законодательствахъ и юридической литературѣ, основаніемъ этой обязанности признается или 1) совершеніе отцомъ ребенка проступка (вступленіе въ вѣнчаемое сожителство) или 2) фактъ происхожденія ребенка отъ даннаго лица, т. е. вѣнчаемое родство (см. объ этомъ Windscheid, Pandecten, II § 475 прим. 18, Buengner. Theorie und Praxis der Alimentationspflicht стр. 72 слѣд.). По первому воззрѣнію, обязанность отца есть obligatio ex delicto; поэтому, во-первыхъ, не доускается т. наз. exsertio plurium concubentium; напротивъ, всѣ сожители матери, отъ которыхъ могъ произойти ребенокъ, по иску объ алиментахъ отвѣчаютъ солидарно (ср. ст. 1872 сакс. гр. ул.), а во-вторыхъ, возникшее въ лицѣ отца обязательство, какъ и всякое другое, переходитъ и на его наслѣдниковъ. Это воззрѣніе на природу лежащей на вѣнчаемомъ отцѣ обязанности въ настоящее время оставлено большинствомъ законодательствъ, а въ литературѣ почти не находятъ себѣ защитниковъ даже примѣнительно къ пандектному праву (см. Dernburg, III § 38). Основаніемъ обязанности отца господствующимъ мнѣніемъ признается вѣнчаемое родство. Поэтому, искъ объ алиментахъ можетъ быть удовлетворенъ лишь въ томъ случаѣ, если происхожденіе ребенка отъ отвѣтчика доказано, а, во-вторыхъ, обязанность отца есть не obligatio ex delicto, а вполне однородна съ возникающей на основаніи законнаго родства обязанностью предоставлять алименты. Послѣдовательнымъ выводомъ изъ этого воззрѣнія было бы положеніе, что обязанность давать вѣнчаемому ребенку алименты не переходитъ на наслѣдниковъ отца, какъ не переходитъ на наслѣдниковъ обязанность законнаго отца и мужа давать содержаніе дѣтямъ и женѣ. Однако, большинство законодательствъ этого вывода не дѣлаетъ, а напротивъ, желая устроить для нуждающагося вѣнчаемаго ребенка невыгодныя послѣдствія случайнаго для него событія—смерти его отца, признають, что и наслѣдники отца отвѣчаютъ по иску объ алиментахъ (ср. ст. 1712 герм. гр. ул., ст. 170 приб. гр. зак. и др.). Такое рѣшеніе вопроса не можетъ считаться несправедливымъ въ отношеніи законныхъ дѣтей; принадлежашее имъ право на алименты, въ случаѣ смерти отца, превращается въ право наслѣдованія, притомъ, по западно-европейскимъ законодательствамъ, въ *необходимое* право наслѣдованія. Желательно только принять мѣры къ тому, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ вѣнчаемый ребенокъ относительно наслѣдства не получалъ бы больше правъ, чѣмъ ребенокъ законный; поэтому, весьма цѣлесообразно постановленіе второй части ст. 1712 герм. ул., согласно которой наслѣдникъ въправѣ выдѣлить вѣнчаемому ребенку ту часть наслѣдства, которую онъ бы получилъ, если бы былъ законнымъ дитятемъ наслѣдодателя.

Рѣшеніе вопроса о юридической природѣ лежащей на вѣнчаемомъ отцѣ обязанности, съ точки зрѣнія дѣйствующаго русскаго права, представляетъ нѣкоторыя трудности. Съ перваго взгляда постановленіямъ нашего права болѣе соответствуетъ первое изъ указанныхъ двухъ воззрѣній. Объ обязанности отца упоминается исключительно въ уголовныхъ законахъ и, какъ упоминаютъ выше, при жизни отца ребенка требованіе къ нему можетъ быть предъявлено не иначе, какъ совмѣстно съ возбужденіемъ противъ него уголовного преслѣдованія. Понятно, поэтому, что въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ Сената (ср. напр. р. 1880 № 182) обязанность отца характеризуется, какъ обязанность возмѣстить вредъ и убытки, причиненные недозволеннымъ дѣяніемъ. Съ другой стороны, однако, уг. касс. департаментъ еще

въ 1874 г. (р. 733) призналъ возможнымъ предъявленіе экс. pl. concubentium, полагая, что обвиняемый, по ст. 994, „въ правѣ доказывать легкое поведеніе соучастницы его нарушенія въ продолженіе того самаго времени, когда она находилась въ сожитіи съ нимъ“.

Въ настоящее время и въ русской литературѣ и судебной практикѣ господствующимъ должно считаться то воззрѣніе, которое основаніе обязанности отца видитъ въ существующемъ незаконномъ родствѣ, а не въ причиненномъ неправомернымъ дѣяніемъ отца вредъ и убытки. Размѣры этой замятки не позволяютъ намъ ближе обосновать справедливость этого воззрѣнія; мы предполагаемъ вернуться къ этому вопросу въ болѣе обстоятельной статьѣ, посвященной проекту закона объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ этомъ же мѣстѣ ограничимся указаніемъ, что по природѣ своей обязанность отца давать содержаніе своему вѣнчаемому ребенку (а не его матери) ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признаваема обязанностью возмѣстить вредъ и убытки, и что въ этомъ отношеніи между случаями, упоминаемыми въ ст. 994 ул. о нак., и случаями, предусмотрѣнными въ ст. 1528 и 1531 ул. о нак. и ст. 663 т. X ч. 1., различія не существуютъ.

Исходя изъ того положенія, что обязанность отца основана на существующемъ между нимъ и ребенкомъ вѣнчаемомъ родствѣ, необходимо прийти къ тому заключенію, что, при отсутствіи въ дѣйствующемъ правѣ положительнаго правила объ отвѣтственности наслѣдниковъ по иску объ алиментахъ, обязанность отца представляется строго личной. Поэтому должно быть признано правильнымъ, какъ разъясненіе этого вопроса, содержащееся въ рѣшеніи гр. касс. деп. 1888 г. № 17, такъ и, въ окончательномъ своемъ выводѣ, приведенное выше рѣшеніе Таганрогскаго окр. суда.

Рижскій окружный судъ.

(20-го ноября 1898 г.)

(Поддѣлка чужого товарнаго знака.—Ст. 1354 Улож. о наказаніи и ст. 1, отд. III Высочайш. утвержд. мнѣнія Государственнаго Совета 26-го февраля 1896 г.).

Настоящее несложное дѣло возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1805 г. графомъ Петромъ фонъ-дербъ-Паленъ былъ основанъ въ имѣніи Гроссъ-Экау (Курляндской губ.) ликерный заводъ, главнымъ предметомъ производства котораго былъ спиртный напитокъ, выпускавшійся въ продажу подъ этикетомъ „Экаускій Кюммель № 0“. Этотъ этикетъ былъ заявленъ графомъ Паленъ въ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ дважды, а именно 30 октября 1893 года и—по опубликованіи новаго закона—вторично, 2 октября 1896 года. Между тѣмъ, фабрикантъ І. Л. Блосфельдтъ уже давно выпускалъ въ продажу тминный ликеръ, снабжая его двумя этикетками: 1) главнымъ—со словами „Экаускій Кюммель № 00“, 2) добавочнымъ—съ указаніемъ, что „главное депо означеннаго ликера находится въ Ригѣ у Блосфельдта“. Поэтому, 1-го сентября 1897 года купцу Блосфельдту было послано нотаріальное извѣщеніе о томъ, что—по мнѣнію графа Палена—указанное снабженіе весьма мало отличнымъ этикетомъ можетъ ввести публику въ заблужденіе и, такимъ образомъ, нарушаетъ его, Палена, права. Блосфельдтъ, однако, злоупотребленія чужимъ этикетомъ не прекратилъ—въ виду чего противъ него было возбуждено судебное преслѣдованіе.

Окружный судъ призналъ предъявленное къ подсудимому обвиненіе доказаннымъ въ виду слѣдующихъ данныхъ: показаніями свидѣтелей установлено, что подсудимый Блосфельдтъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выдѣлывалъ на своемъ Риж-

скомъ заводѣ тминный ликеръ, выпуская таковою въ продажу изъ своего же склада въ г. Ригѣ, причѣмъ бутылки съ означеннымъ ликеромъ снабжалъ торговымъ знакомъ съ изображеніемъ „Экау-скій кюммель“. Этотъ ликеръ съ означеннымъ торговымъ знакомъ продавался изъ склада Блосфельдта и въ теченіе сентября и октября 1897 года. Между тѣмъ, означенный торговый знакъ, какъ видно изъ свидѣтельства Департамента Торговли и Мануфактуръ отъ 2 октября 1896 г. за № 22966, дважды заявленъ былъ означенному Департаменту владѣльцемъ водочнаго завода въ имѣніи Гроссъ-Экау, Курляндской губ. графомъ Леонидомъ фонъ-дербъ-Паленомъ 30 октября 1893 года за №: 15779 и 19 сентября 1896 г. для употребленія на выпускаемыхъ съ его завода издѣліяхъ и упомянутымъ свидѣтельствомъ означенный торговый знакъ „Экау-скій кюммель“ предоставленъ въ исключительное пользованіе графа фонъ-дербъ-Палена. По сличеніи торговаго знака, употреблявшагося на бутылкахъ съ тминнымъ ликеромъ, выпускавшимся съ завода Блосфельдта, съ торговымъ знакомъ, употреблявшимся на бутылкахъ съ тминнымъ ликеромъ завода графа Палена, эксперты со стороны обвиненія высказались за явное сходство означенныхъ торговыхъ знаковъ, находя существенную часть этикетовъ въ словѣ „экау-скій“, присовокупивъ, что такое сходство въ этикетахъ легко могло ввести покупателей въ заблужденіе относительно происхожденія выпускаемаго съ означеннымъ этикетомъ товара, эксперты же со стороны подсудимаго въ виду детальной разницы въ товарныхъ знакахъ Блосфельдта и графа Палена и въ виду того, что тминный ликеръ употребляютъ люди образованные, высказались въ томъ смыслѣ, что торговый знакъ, употреблявшійся на издѣліяхъ завода Блосфельдта, не могъ ввести покупателя въ заблужденіе относительно происхожденія издѣлія. Судъ, раздѣляя мнѣніе экспертовъ со стороны обвиненія, усматриваетъ явное сходство между означенными товарными знаками. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что самъ подсудимый Блосфельдтъ не отрицаетъ того, что онъ не имѣлъ установленнаго свидѣтельства на пользованіе вышеозначеннымъ товарнымъ знакомъ и что ему извѣстенъ былъ протестъ со стороны графа Палена по поводу употребленія имъ, Блосфельдтомъ, означеннаго знака, судъ приходитъ къ убѣжденію въ виновности Блосфельдта по предъ-явленному къ нему обвиненію и признаетъ его виновнымъ по этому обвиненію. Совершенное Блосфельдтомъ дѣяніе является предусмотрѣннымъ 1354 ст. Ул. (по редакціи Высочайше утвержденнаго 26 февраля 1896 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта) и карается по 2 степ. 38 ст. Ул. о Нак. Но это наказаніе въ виду того, что Блосфельдтъ, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, по полученіи протеста графа Палена, сдѣлалъ распоряженія о прекращеніи выпуска съ своего завода ликера съ незаконнымъ знакомъ, судъ, примѣняясь къ 134 и 135 ст. ул., нахо-

дитъ возможнымъ понизить на двѣ степени и такимъ образомъ опредѣлить Блосфельдту наказаніе по 1 степ. 39 ст. Ул. въ низшей мѣрѣ. На семъ основаніи, согласно 56 ст. ул., Блосфельдтъ подлежитъ аресту при тюрьмѣ на три недѣли, незаконный же торговый знакъ „Экау-скій кюммель“, имѣющійся въ складѣ и заводѣ Блосфельдта, подлежитъ снятію и уничтоженію... Что касается предъ-явленнаго графомъ фонъ-дербъ-Паленъ къ подсудимому Блосфельдту гражданскаго иска въ суммѣ 300 р., то находя таковой искъ недоказаннымъ, судъ признаетъ таковой не подлежащимъ удовлетворенію.

Настоящее рѣшеніе не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенныхъ юридическихъ трудностей. Однако, при всей скромности правовой контроверзы, оно заслуживаетъ вниманія, какъ одинъ изъ симптомовъ той эволюціи, которая замѣтнымъ образомъ совершается въ Россіи со времени изданія новаго закона о товарныхъ знакахъ. Какъ извѣстно, до февраля 1896 г. преслѣдованіе недобросовѣстныхъ подражателей-конкурентовъ было дѣломъ почти невозможнымъ. Неясность соотвѣтствующихъ постановленій Устава о Промышленности, несоразмѣрность уголовной санкціи съ тяжестью проступка и легкомысленное отношеніе общества къ тѣмъ промышленникамъ, которые жнутъ, не посѣявъ—ставили тогда въ самое критическое положеніе даже солидныя фирмы; имъ приходилось, сложа руки, смотрѣть на то, какъ постороннія лица отнимали у нихъ большую часть барышей и, вдобавокъ, портили репутацію, составленную многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ. Дѣла Штурма, Pinaud, Пьерра и т. п. были способны привести въ отчаяніе не мало честныхъ промышленниковъ. Но, къ счастью, за послѣднее время дѣло стало замѣтно улучшаться—такъ что можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ наши суды будутъ относиться такъ же строго, какъ и заграничныя, къ тѣмъ промышленникамъ, которые—по странной случайности—никакъ не могутъ выдумать для своихъ издѣлій такихъ знаковъ, которые бы не были похожи на наиболѣе „ходкіе“ на рынкѣ.

Отмѣтимъ только одинъ юридическій вопросъ. Въ литературѣ существуетъ мнѣніе (см. Судебная Газета, 1896 г., № 42, „Къ вопросу о толкованіи закона о маркахъ“), согласно которому *завѣдомость*, требуемая отъ деликвента по ст. 1, III закона 26 февраля 1896 года, существуетъ съ того момента, какъ товарный знакъ внесенъ въ регистръ Департамента Торговли и Мануфактуръ. Здѣсь не мѣсто подвергать указанное мнѣніе подробному разсмотрѣнію; достаточно будетъ замѣтить, что практика единогласно отвергаетъ такую конструкцію завѣдомости—и требуетъ, чтобы послѣдняя была истцомъ на судѣ *доказана*. Такимъ образомъ, всякому преслѣдованію за нарушеніе правъ на товарный знакъ должно предшествовать нотаріальное извѣщеніе отвѣтчика о томъ, что его этикетъ схожъ съ тѣми, которые принадлежатъ истцу. Конечно, эта формальность не затруднитъ лицо, серьезно намѣревающееся отстаивать свои права—но, вѣстакъ, дозвоительно спросить: 1) для чего же тогда существуетъ официальный регистръ, публикуемый во всеобщее свѣдѣніе? и 2) почему, въ результатѣ всякому оказывается дозволеннымъ поддѣлывать чужіе знаки вплоть до полученія нотаріальной угрозы?

Было бы интересно, если бы этотъ вопросъ былъ разработанъ подробнѣе.

Список дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 19 февраля по первому общему собранію.

Отст. к. а. Тамашева на опред. 1-го Деп. Пр. Сен. (отказъ въ назначеніи пенсій за учебную службу на Кавказѣ по сокр. сроку); от. с. с. Романовскаго на опред. 1 Деп. Сен., (отказъ въ назнач. ему пенсій и пятил. приб.); о. д. с. с. Давыдова, на опред. 1 Деп. Сен. (отказъ въ прибав. жалов.); по жалобѣ вр. Моск. 1 г. купца, д. студ. Ландау на мин. фин. (отказъ въ освобожденіи отъ уил. недоимки штрафа за недоказ. споръ о подл.); по жалобѣ пов. Вяз. Гор. Думы, к. р. Медвѣдкова, на военное мин. (по расчету за расквартир. войскъ въ г. Вязьмѣ); по жалобѣ прожив. въ сл. Хасавъ-Юртъ, Терск. обл., Фельдмана на Терск. обл. правленіе за неразрѣшеніе ему устройства мыловар. зав. въ означ. свободѣ; по жалобамъ администр. маюратн. имѣнія „Куписки-Старе“ Ушицкаго и владѣльца имѣнія „Старая-Ломжа“ Войчнскаго на отказъ военнаго совѣта въ выдачѣ вознагражденія за потонки полей; по жалобѣ Херс. губ. земской управы на мин. ви. дѣлъ и фин. за непримѣненіе Высоч. указа 20 іюня 1893 г. къ платежамъ; по жалобѣ жителей г. Елисаветполя, с. с. Афанасьева, куп. сына Набатова и др. на постановленіе Елисаветп. губ. по гор. дѣл. прис. по предмету допущенія въ составъ Елисаветп. гор. думы гласныхъ изъ мусульманъ въ равномъ числѣ съ христіанами; по жал. уполн. управл. госуд. им. Кут. г. н. с. Чарквіани на постан. Кут. губ. по крест. дѣл. прис., по предмету составленія уст. грам.

На 15 февраля, по 3 Департаменту.

Апел.: Буковского съ торг. дом. Ф. и Г. Каменскіе о расчетахъ по закладной; по иску уполномоч. конкурсн. управ. Врейденабаха къ Анциферову 2,200 р. 5 к. убытковъ по торговлѣ.

Слѣдственное: по иску Самаркандск. отд. Госуд. банка съ Абдумулитабаева и др. 300 р. по векселю.

Частныя: уполномоч. Самаркандск. отд. Госуд. банка по иску съ Рахимова и Ибатулина 1,600 р. по векселямъ; по иску Владивостокск. гор. упр. къ Суглову объ участкѣ земли; ж. Розынбаева объ отказѣ ему въ отчѣткѣ данной крѣпости; Магометбаева по спору о подлогѣ векселей; Лейбина объ отказѣ въ совершеніи дарственной записи; о назначеніи торговъ на имѣніе наслѣдниковъ Вагнера; казаконъ Иперской станицы по иску съ нихъ Сидѣльникова; по иску Авельберга къ Апекову о взаимныхъ претензіяхъ; Лобашевой съ Чернышевымъ 2,602 р. 87½ к.; по иску Старосельской къ Чпичину и Шмеделю о правѣ собственности и деньгахъ; инородцевъ 1-го Тышиминскаго наслѣда на отказъ въ возвращеніи имъ острововъ; о продажѣ, залогѣ и перезалогѣ имѣній: Засѣдачевыхъ; Проворотовыхъ; малолѣтнихъ; Михалевицкихъ; Міропольскаго; Заряниной; наслѣдниковъ: Точиловой; Горбушовой; объ освид. умств. способ. Константинова.

На 18 февраля, по 3 Департаменту.

Слѣдственно-апелляц.: о возоб. межъ и межевыхъ признаковъ въ дачѣ гор. Обояни.

Слѣдственные: о возоб. межъ и межевыхъ признаковъ; дер. Голодовой; слободы Коломакъ.

Апелляц. слѣдств.: о возоб. межъ и межев. признаковъ; с. Козьмодемьянскаго; дачи Большой-Шурмы.

Частныя: о размежеваніи дачи села Кривскаго; о возоб. межъ и межевыхъ признаковъ; въ дачѣ дер. Казобы; дер. Чечене; относительно отмежеванія слободы Солдатекой; о выдачѣ копій рѣшенія по дѣлу околицы Войдачи; прош. Вакулина о размежеваніи дачи села Кривскаго; о сѣнокосномъ участкѣ на рѣкѣ Исети; о перезалогѣ, залогѣ и продажѣ имѣній наслѣдниковъ: Вернеръ; Погорѣловскаго; Плетнева; Гондельманъ; Малышева; Зглейцъ; Рубежанской; объ умственныхъ способностяхъ: Рыжкова; Воскресенской.

На 18 февраля, по 2 экспед. 4 Департаменту.

Апелляц.: по взаимнымъ искамъ Жаровой и Жаровыхъ—первой 7,933 р. 58 к. и послѣднихъ 13,721 р. 23¼ к.; по взаимнымъ искамъ Грюнберга и Тушикова по договору 31 мая 97 г. для эксплуатаціи изобрѣтенныхъ Грюнбергомъ иллюминационныхъ снарядовъ; Вранасскаго въ торг. дому „Гулье Бланшардъ“ 2,096 р. 25 к. съ % и издержками и по встречному иску 3,007 р. 40 к. съ % и издержкамъ; по иску Фоншредера съ Вутца 5,750 р. съ % и о дачѣ отчета; по иску Паули, уступленному Рейгольду, къ Марченко о передачѣ въ собственность 96 паевъ; по иску Рафаловичей къ Санценбахеръ и Эни по договору о наймѣ цирка; по иску Иверсена

съ торг. дома „Густавъ А. Гауфъ и Ко“ 3759 р. 76 к. съ %;

Частныя: жал. на Одесск. Коммерч. судъ: пов. Дрейзина; Блиндера и др.; Асвадурова; рапортъ Херсонск. каз. палаты о гербовомъ штрафѣ по д. торг. дома „Д. Варамъ и Ко“ съ Вильчуромъ; Ланге съ Бѣлявиной о 2,625 р. съ %; жал. Дроздовой по д. объ освид. умств. способ. мужа ея; объ освид. умств. способ.: Павловича; Фогель; Горницкаго; Честнова.

На 16 февраля, по 5 Департаменту.

Арест.: о Бадаевѣ въ присвоеніи; о Абдуназаровѣ и др. въ покуш. на разбой; о Орѣховѣ въ убійствѣ; о Юсуповѣ въ убійствѣ.

Уголовныя: о Порыгинѣ въ кражѣ со взломомъ.

Частныя: жал. Шафарудинова и Веремецко; жал. Кузьмина; прошенія: Поцѣлуева; Родзянко; Доронина.

На 18 февраля, по 5 Департаменту.

Арест.: о Кузнецовѣ и Егоровѣ въ кражѣ; о Гудневѣ въ подлогѣ.

Частныя: о Нязбековѣ въ покупкѣ завѣдомо краденаго; о Писемныхъ въ кражѣ; прошенія: Алакшина; Зубовича; Хальскулова; Вулатова; о Романовѣ въ оскорбленіи дѣйствиемъ; о Зайцевѣ по 1657 ст. ул.

На 18 февраля, по 1 отд. Уголов. Касс. Департ.

Жалобы: Цейтлина Борисовск. м. с. по обв. Сальмановича; Кольбе Варшавск. гор. м. с.; Оксенгендлера и др. Ямпольск. м. с. по обв. Мидлера; Слонимскаго Тельшевск. м. с.; президента гор. Сандомира Радомск. 2 окр. м. с. по обв. Милштейна; Затерки Лудц. м. с.; Нисневичъ Гомельск. м. с.; Лермана З.-Острожск. м. с. по обв. Грохольскаго; Майданича Балтск. м. с.; Макарушина Сиб. ст. м. с.; Иванова о возоб. дѣла по обв. его; Токаря Радомск. 2 окр. м. с.; Тухмана Радомск. 2 окр. м. с.; Червонка Ломжинск. 2 окр. м. с.; Нацинскаго Ломжинск. 2 окр. м. с.; Фукса Бердичевск. м. с.; Марковскаго Съдлецк. 1 окр. м. с.; Пейзнера Двинск. м. с.; Любартовскаго уѣздн. упр. Люблинск. 1 окр. м. с. по обв. Шаймана; настоятеля Новоалександровскаго римско-католическ. костела Вуткиса Новоалександровск. м. с. по обв. его; Бузуна-Ритинскаго Слонимск. м. с.; Роговера Могилевск. м. с.; уполномоч. упр. Хоперск. окр., Хоперск. м. с. по обв. Селивестровой; Попковой Ломжинск. 2 окр. м. с.; Дорофина Сиб. ст. м. с.; Варшавской Петроковск. 3 окр. м. с.; Опшенгейма Варшавск. гор. м. с.,—въ по обв. въ наруш. стр. уст.; Воронштейнъ Борисовск. м. с.; Ландюнга Варшавск. гор. м. с.; Слонимскихъ Слонимск. м. с.; упр. акц. сб. Тавричск. губ. Симферопольск. о. с. по обв. Рыжкова; Малигеровъ Кишиневск. м. с.; Ливинецъ К.-Пружанск. м. с.; упр. акц. сб. Сиб. ст. м. с. по обв. Пучкова; Гинзбурговъ Горецк. м. с.; Трохиной Таганрогск. о. с.; Бергера Одесск. гор. м. с.; упр. акц. сб. Тамбовск. о. с. по обв. Чулковой; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с. по обв. Дикаревой; Гойфмана Могилевск. м. с.; Вехта Виленск. м. с.; Перской Сморгонск. м. с.; Митороля Люблинск. 1 окр. м. с.; Перлова Херсонск. о. с.; Штала Р.-Вольмарск. м. с. (2 дѣла); Зарѣцкаго Р. Мозырск. м. с.; упр. акц. сб. Одесск. гор. м. с.; по обв. Козорисъ; Бравермана Бердичевск. м. с.; Суворова Гомельск. м. с.,—въ по обв. въ наруш. пит. уст.; упр. акц. сб. Ковенск. м. с. по обв. Вурштейна; упр. акц. сб. Кишиневск. о. с. по обв. Кантаржи; Шварцманъ Литичевск. м. с.; Витгофнера Московск. ст. м. с.,—въ по обв. въ наруш. таб. уст.; Танезера Вобруйск. м. с.; Каперникова Варшавск. с. п.; Горовица, Эдельмана и Марченко Одесск. с. п.; Тасемки Варшавск. с. п.,—въ по обв. въ наруш. тамож. уст.; Пухова Астраханск. о. с. по обв. Лышкова по 1160 ст. ул.; Круны Кѣлецк. 2 окр. м. с. самовольное возвращеніе въ пограничную черту; Урановскаго на отказъ Новогрудск. м. с. въ возстановленіи ему срока на подачу кассач. жалобы; Лаубгана Саратовск. о. с. 172 ст. у.; пов. д-та тамож. сб. Варшавск. с. п. по обв. Фуксовъ и др. въ контрабандѣ; нач. Радомск. тамож. окр. Петроковск. 2 окр. м. с. по обв. Пендрака и Подгурскаго въ контрабандѣ; Яркина Оренбургск. о. с. 1464 ст. ул.

Протестъ: тов. прок. на Варшавск. с. п. по обв. Громнаго и Мерцинека по 1542 ст. уст. тамож.

На 19 февраля, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Соколова Череповецк. о. с. кража; Скакуна на опред. Тифлесск. с. п.; Филиппова Сиб. с. п. преступленія должности; Довгалло Гродненск. м. с. 136 ст. у.; Пархоменко

Таращанск. м. с. кража; Рехтута К.-Подольск. м. с. 115 ст. у.; Свирида и др. Бердичевск. м. с. 31 ст. у.; Котоловского Лудк. м. с. 169 ст. у.; Волиховского Сквирск. м. с. кража; Посвольского Поневѣжск. м. с. 47¹ ст. у.; Яновского Старо-константиновск. м. с. кража; Ильманна и др. Харьковск. с. п. ростовщичество; Волейши на опред. Виленск. м. с.; Кусти-люка и др. Бѣльск. м. с. 38 ст. у.; Ящуча Таращанск. м. с. мошеничество; Куницкого Таращанск. м. с. кража; Кучера Н.-Вольнск. м. с. кража; Иванова Одесск. гор. м. с. 135 ст. у.; Розеншильд-Паулина Рѣзниц. м. с. по обв. Мельницких и др. въ ростовщичество; Янкова Одесск. гор. м. с. 180 ст. у.; Станкевича Поневѣжск. м. с. 131 ст. у.; Романюка Могилевск. м. с. 169 ст. у.; Вацанова Виленск. о. с. 1668 ст. ул.; Маковского В.-Вольнск. м. с. 142 ст. у.; Круповского Таращанск. м. с. 170 ст. у.; Россовецкой Дубенск. м. с. по обв. Россовецкого по 135 ст. у.; Гонголы и др. К.-Подольск. м. с. кража; Яниса Летичевск. м. с. 173 ст. у.; Алексѣенко Сквирск. м. с. 177 ст. у.; Коврайского Бердичевск. м. с. 135 ст. у.; Гилла Измаильск. м. с. 31 ст. у.; Надольского Винницк. м. с. 31 ст. у.; Попова Вилкомирск. м. с. 172 ст. у.; Порových Черновецк. о. с. 940 ст. ул.; Федоровой В.-Вольнск. м. с. по обв. Ланинской и др. по 142 ст. у.; Корчинского Таращанск. м. с. 153 ст. у.; об-ства села Аршичина Дубенск. м. с. по обв. Гольцгекера и др. по 146 ст. у.; Грушицкого Бременецк. м. с. кража; Вѣяева Лудк. м. с. по обв. Пергуна по 172 ст. у.; Казимиренко Сквирск. м. с. 170 ст. у.; Довгачевой Липовецк. м. с. 172 ст. у.; Сухомуда Уманск. м. с. кража; Ищенко Житомирск. м. с. 170 ст. у.; Влюмберга Ковенск. м. с. по обв. Фугалевича и др. по 142 ст. у.; Янековской Житомирск. м. с. 169 ст. у.; Боровиковъ Минск. м. с. 133 ст. у.; Циммермана В.-Вольнск. м. с. 173 ст. у.

Протестъ товар. прокур. на Стародубск. о. с. по обв. Кашликова и др. по 1489 ст. ул.

На 20 февраля, по 3 Отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Легасова Смоленск. о. с. 172 ст. у.; Щеглова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Дзильбина М.-Ваусск. м. с. 44 ст. у.; Заморского Московск. ст. м. с. по обв. Иванова по 131 ст. у.; Вадова Нижегородск. о. с. 172 ст. у.; Гроссовъ Р.-Гапсальск. м. с. 170 ст. у.; Каулина Р.-Вольмарск. м. с. 180 ст. у.; Войнова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Кагакина Ховерск. м. с. 172 ст. у.; Лилъбока В.-Вейсенштейнск. м. с. 170 ст. у.; Сердюкова Ховерск. м. с. 148 ст. у.; Соколова Спб. ст. м. с. по обв. Клейна въ нанесеніи побоевъ; Кана Двинск. м. с. 29 ст. у.; Клишина У.-Медвѣдицк. м. с. 29 ст. у.; Вульфа М.-Ваусск. м. с. 29 ст. у.; Зеллиса М.-Ваусск. м. с. 29 ст. у.; Крышека Петроковск. 3 окр. м. с. 29 ст. у.; Рабиновича Бердичевск. м. с. 29 ст. у.; Ротариуша Старокопстантиновск. м. с. 29 ст. у.; Розенберга Кишиневск. м. с. 29 ст. у.; Шапиры Кіевск. м. с. 29 ст. у.; Скворцова Московск. ст. м. с. 29 ст. у.; Трифонова и Никифорова Р.-Вольмарск. м. с. 29 ст. у.; Лишкерова Московск. ст. м. с. 128 ст. у.; Кишиневск. общ. ремесл. упр. Кишиневск. м. с. по обв. Разнощика по 1360 ст. ул.; Гартвига Р.-Вольмарск. м. с. 31 ст. у.; Вохъ В.-Валск. м. с. 131 ст. у.; Вольмера Гродненск. м. с. 29 ст. у.; Палкина Нижегородск. гор. м. с. 115 ст. у.; Тимошенко Харьковск. о. с. 172 и 12 ст. у.; Обста Ю.-Верроск. м. с. 135 ст. у.; Алексѣева Спб. ст. м. с. 142 ст. у.; Мамаева Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Пальца В.-Вейсенштейнск. м. с. 180 ст. у.; Крамера Спб. ст. м. с. 142 ст. у.; Туфъ и др. Московск. о. с. 174 ст. у.; Кутенко Спб. ст. м. с. 180 ст. у.; Плонка Спб. ст. м. с. 1354 ст. ул.; Уэгоа Р.-Гапсальск. м. с. 135 ст. у.; Вильда М.-Ваусск. м. с. по обв. Енкевича и др. по 142 ст. у.; Рушевича М.-Ваусск. м. с. по обв. бар. фонъ-Эльсена и др. по 142 ст. у.; Шлоссера Р.-Вольмарск. м. с. 180 ст. у.; Дитрихъ Р.-Вольмарск. м. с. 44 ст. у.; Проскуракова Тагарогск. м. с. 142 ст. у.; Вельплера В.-Вейсенштейнск. м. с. 146¹ ст. у.; Тейриха Р.-Вольмарск. м. с. 31 ст. у.; Карро Р.-Гапсальск. м. с. по обв. Эмбель въ кражѣ; Шестернева и Иванова Смоленск. о. с. 170 ст. у.; Христенко Харьковск. о. с. кража; Селеко Спб. ст. м. с. 139 ст. у.; Андимова М.-Ваусск. м. с. 38 ст. у.; Озола Р.-Вольмарск. м. с. 169 ст. у.; Никитина Нижегородск. гор. м. с. 116 ст. у.; Цыганкова и др. Ховерск. м. с. кража; Стекольниковъ Донск. 2 окр. м. с. 172 ст. у.; Томашевского и др. Калишск. 1 окр. м. с. 69 ст. у.; Мартынова Спб. ст. м. с. 115 ст. у.;

Молокова и Бѣлькова Никольск. м. с. 38 ст. у.; Лебедева Р.-Вольмарск. м. с. 170 ст. у.; Каменского Спб. ст. м. с. по обв. Вѣловежского по 142 ст. у.; Лобанова Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Мейера Спб. ст. м. с. по обв. Макарова по 177 ст. у.; Ильина Спб. ст. м. с. 128 ст. у.; Подунова Черкасск. м. с. кража; Фокке и Виганда Спб. у. м. с. 38 ст. у.; Войкова Донск. 2 окр. м. с. 136 ст. у.

Протесты: тов. прок. на Владикавказск. м. с. по обв. Головки, Демченковыхъ и др. по 29 ст. у.; тов. прок. на Владикавказск. м. с. по обв. Бурабовыхъ и Федченковой и др. по 29 ст. у.; тов. прок. на Нижегородск. о. с. по обв. Овчинниковыхъ по 1455 ст. ул.

На 16 февраля, по апеллян. столу Угол. Касс. Департ.

Протесты: товарищей прокуроровъ Варшавск. с. п. и Варшавск. о. с.

Жалобы: повѣр. прокураторіи Царства Польскаго, подсуди-мыхъ Германа и др. на Варшавск. с. п. по обв. Германа и др. въ преступленіяхъ по должности.

На 19 февраля, по 4 отд. Уголов. Касс. Департ.

Жалобы: пов. гр. Тышкевичей Р.-Мозырск. м. с. по обв. Журовичей и др. въ порубкѣ лѣса; упр. гос. имущ. Виленск. м. с. по обв. Комаръ по 57⁸ ст. у.; упр. гос. имущ. В.-Гольдингенск. м. с. по обв. Спроге по 146¹ ст. у.; Воронина Харьковск. с. п. 347 ст. у.; Ункели Плоцк. 2 окр. м. с. 129 ст. у.; Володского Московск. с. п. 286 ст. ул.; Стендлера Спб. с. п. 362 ст. ул.; Зоревой Плоцк. 2 окр. м. с. клевета; Миколайчука и др. Варшавск. с. п. 294 ст. ул.; Слабинскихъ Сувалск. 1 окр. м. с. обиды дѣйствіемъ; Григорьева Спб. с. п. 994 ст. ул.; Старостецкаго Петроковск. 1 окр. м. с. кража; Кабахидзе и Мамуджіева Тифлиск. с. п. кража со взломомъ; Розенберга Варшавск. 1 окр. м. с. кража; Саарна и др. Спб. с. п. 1490 ст. ул.; Гаджи-Гусейна-Мапашиди-Аливерды-оглы Тифлиск. с. п. сопротивление власти; Вольфрида Люблинск. 1 окр. м. с. 76³ ст. уст. и 29 ст. у.; Гранцова Варшавск. гор. м. с. по обв. Бучарекаго и др. въ расстрѣлѣ; Котовскаго Ломжинск. 1 окр. м. с. по обв. Краевского и др. по 152 ст. у.; Прушковскаго Калишск. 2 окр. м. с. по обв. Лозинскаго въ кражѣ; Коляновича Спб. с. п. 1535 ст. ул.; Юсковича Кѣлецк. 1 окр. м. с. кража; Бережнова и Темникова Иркутск. с. п. 285 ст. ул.; Жуковскаго Тифлиск. с. п. расстратъ; Щербы Варшавск. с. п. 1455 ст. ул.; Варабаша Одесск. с. п. 354 ст. ул.; Исрафила-Усубь-оглы Тифлиск. с. п. разбой; Таеводкина Майкопск. м. с. 115 ст. у.; Грабенкихъ Петроковск. 3 окр. м. с. 51⁹ ст. у.; нач. Волковышск. уѣзда Сувалск. 2 окр. м. с. по обв. Гудынскаго по 115 ст. у.; Молева Спб. с. п. 994 ст. ул.; Сиренко Харьковск. с. п. 1466 ст. ул.; Вижевскаго Кіевск. с. п. 362 ст. ул.; Здунекъ Калышск. 2 окр. м. с. по обв. Айлинберга въ кражѣ; Селифанова Спб. с. п. 994 ст. ул.; Вредихина Одесск. с. п. 286 ст. ул.; Соколова Казанск. с. п. преступленіе по должности; Со-синскаго Казанск. с. п. 285 ст. ул.; Авакова Тифлиск. с. п. 177 ст. у.; Лорбера Люблинск. 1 окр. м. с. наруш. санитарныхъ правилъ; Мирслова Люблинск. 1 окр. м. с. по обв. Ков-валика по 142 и 152 ст. у.; Дубоносова Екатеринбургск. м. с. 44 ст. у.; Шютровскаго Петроковск. 1 окр. м. с. кража; Адамскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 136 ст. у.; Абратовскаго Варшавск. с. п. 1414 ст. ул.; Лебедева Московск. с. п. 1485 ст. ул.; Яновича Московск. с. п. 994 ст. ул.; Вронскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 172 ст. у.; Абазы Одесск. с. п. 286 ст. ул.; Зимана Радомск. 1 окр. м. с. покушеніе на кражу; Абра-мовича Варшавск. гор. м. с. 136 ст. у.; Шагиахметова Казанск. с. п. преступленія по должности; Борсенки Екатеринбургск. м. с. по обв. Войко въ кражѣ; Лясковскаго Ломжинск. 2 окр. м. с. 142 ст. у.

Предложеніе оберъ-прокурора съ прошеніемъ Шквыри и др. о возоб. дѣла о нихъ; *представленіе* мир. судьи 2 уч. Тарскаго уѣзда о возоб. дѣла о Пилипенко обв. по 172 ст. у.

Протестъ тов. прок. на Варшавск. с. п. по обв. Долинскаго по 313 ст. ул.

На 17 февраля, по Гражд. Касс. Департ.

Палатекія: Могилевск. губ. по кр. дѣламъ присутствъ съ Верхними; Варабана съ Шенеберомъ; Кольбе съ Шиттъ

военнаго министерства съ Гурвичемъ, Фридландомъ; упр. госуд. имущ. Виленской и Ковенск. губ. съ Черневскимъ.

Създовья: Жукова съ Озеровымъ; Вакаръ; Поль съ Виницкимъ; Древницкаго съ Морозовымъ; Попова съ Федоровымъ; Вагнеръ съ Бранаскимъ.

На 17 февраля, по I отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Линде съ правл. Ковенск. окр. путей собщ.; опеки надъ Миллеръ съ департам. шоссеиныхъ и водяныхъ сообщ.; Алфимовыхъ съ Пушкаревыми, Анпиревымъ, Мамнымъ и др.; Холоденко съ Минск. упр. госуд. имущ.; Озерова съ Озеровымъ; Барановой съ Поповымъ; Лапатникова объ утв. духовн. завѣщ. Маріи Бурениной; Павлинова съ Магдоловою; Савицкаго съ опека. Соболевыхъ; Зорембекаго съ Фриде и др.; Сосницкаго и Новикова съ кн. Святополькъ-Мирскою; Субербель съ Мельгуновой; Харьковск. губ. двор. и др. съ Головковой и др. 2 дѣла; Норовыхъ; Галенковского съ Галенковской; Бальдевичъ, Тарновскаго съ общ. Москов.-Казанск. ж. д.; Паниныхъ и Губаревыхъ объ утвержд. въ правахъ наследства.

На 18 февраля, по 2 отд. Гр. Касс. Департ.

Палатскія: Файнберга и Брецинскаго; Верещагина съ Грачевымъ; тов. Московскаго металлическаго завода съ Чердаковымъ; Ястребовыхъ съ Ястребовой; Окрочадѣловой съ упр. казенн. ж. д.; Родионовой съ Высочайше утв. акц. общ. костеобжигательныхъ заводовъ; Стратановичъ съ Стратановичъ, Александровой и Оппенгеймомъ.

Създовья: Кенига съ Строевымъ; Крупеникова съ Щербаквой; Поваляевой съ Поваляевой; Кузнецова съ Абкинымъ; Лещуковъ съ Самолюковой; Граббе и др. съ Ленковскимъ; Клейнгольдъ и др. съ Протопоповымъ; Косянскихъ съ Венескуломъ; Писаренко съ Лахно; Мяновскаго съ Антеповичъ; Александрки съ Алексакасомъ; Якимова съ Кипорядовымъ; Соболева съ Заболоцкимъ; Круглова съ Жуковымъ; Александровой съ Ратьковымъ-Рожновымъ; Рапофа съ „Галль-Ларусъ и Ко“; Варусонъ съ Тамшуръ; Войткевичъ и др. съ Жуковской; Вабковыхъ съ Стецкимъ; Литвиновскаго съ Кукурузой; Черника съ Чапскимъ; Дурилина съ Януками; Годлевскаго съ Стукаловымъ; Шишковъ съ Феншау и др. 2 дѣла; Якутской съ Дзержинскимъ; Спиридоновой съ Асташевымъ; Потѣйкина съ общ. кр. д. Вороничъ и Юхновичъ; Захарова съ Новосильцевымъ; Вирскихъ съ Пятневымъ.

На 18 февраля, по 3 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: упр. казенн. ж. д. съ Давидорфъ, Сушко-вымъ; Русск. общ. парох. и торг. съ Мизрахомъ; Дмитровичъ съ упр. казенн. ж. д.; Вабкина съ упр. казенн. ж. д.; общ. Одесск. конно-жельз. дор. съ Райтманомъ; Григоровича съ Привислинск. ж. д.

Създовья: упр. казенн. ж. д. съ Клуптомъ, Швелевымъ, Ласкинымъ, Кролемъ, Давыдовымъ 2 дѣла, торг. дом. Перець и К°, торг. дом. Тработти и К°, Гринфельдомъ, Хаскиндомъ и др., Тумпянскимъ 2 дѣла, Эльшевемъ, Райбманомъ 2 дѣла, Малацкимъ, Червякъ, Свилинымъ, Вольбергомъ, Монзономъ, Полонскимъ, Горомъ 2 дѣла; Хайкина съ Риго Двинск. ж. д.; Юффе съ Риго-Двинск. ж. д. 2 дѣла; Беккера съ упр. казенн. ж. д. 6 дѣлъ; Вухина, Рабиновича съ Фастовск. ж. д.; Ивангорода-Домбровск. ж. д. съ Иванскеромъ, Шульдбергъ; Юго-Восточн. ж. д. съ Зильберманомъ и др. 10 дѣлъ, Луцкой, Луцкимъ и др. 4 дѣла; Москов.-Кіево-Воронежск. ж. д. съ Зильберманомъ 3 дѣла; Дизика съ Юго-Запади ж. д.; Рабиновича 2 дѣла, Эренпрейса, Эхта, Кабана, — всѣ съ Ивангорода-Домбровск. ж. д.; Московок.-Брестск. ж. д.

съ Левинымъ; Лебедева съ Моск.-Казанск. ж. д.; Колбала съ упр. казенн. ж. д.; Зарицкаго съ Фастовск. ж. д.; Егоровой съ упр. казенн. ж. д.; упр. казенн. ж. д. съ тов. Каспій.

На 19 февраля, по 5 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: опека. Ревазовой съ Альховскимъ; Рыжкова съ Тюриковымъ; Маркова съ кн. Касаткинымъ-Ростовскимъ; общ. кр. с. Рѣчекъ съ Вубликовою; Юрѣва съ Чижовымъ; Виноградовой съ Момировымъ; Жуковского съ общ. кр. д. Тюино-Озеровой; Волтуновыхъ съ общ. кр. Три-Михайловки; упр. госуд. имущ. Пермской губ. съ Макаровымъ.

Създовья: Фокина съ Александровымъ; Анкина съ Сапроковымъ; Якубовскаго съ Лопухини и др.; Муратова съ Ибрагимовымъ; Діониады съ Перчуномъ; Галковской съ Стрѣльцинымъ; Шамсутдиновой съ Шамсутдиновымъ; Шпринцина съ Тихоновой и др.; Шкарлета съ Бѣленскимъ; Осмоловскихъ съ Езерскимъ; Тытаренко и Головина; Дзедуцовъ съ Петрушомъ; Якубчика съ Варковскимъ; Дурново съ ликвид. ком. Орловск. общ. взаимн. кредита; Старкова съ Бѣлогорскимъ; Фольды съ Садовскимъ; Вабкова съ Казаровой; Питцека съ торг. дом. „Ф. Котовъ С-я“; Павлова съ Шуваловымъ; Тиушиса съ Туромъ; Пантелѣева съ Федоровымъ; Посновой съ Петровымъ и др.; гр. Коморовской съ Уманцомъ и др.; Чижка съ конк. Кария; Эйдарова съ Гречушниковымъ; Камо-Эгерскихъ съ Вигуро; Хросцикой съ Садовскимъ; Смирнова съ Никитинымъ; Гана съ Вайсомъ; Вилькинда съ Эйшинскимъ ссудо-сберег. тов.; Контеръ и др. съ Игнатевымъ; Бенедиктовича съ Ладынцевой; Байкова съ Красильниковымъ 2 дѣла; Кузнецова съ Устюжской гор. упр.

На 19 февраля, по 4 отд. Гражд. Касс. Департ.

Палатскія: Огинекаго съ Виленск. казен. палат.; кн. Краноткиной и Галаховой съ Загряжскимъ; Гамидбека-Габбека, оглы съ Пенгу; Васютинскаго съ Вознесенскими; Браженовой съ Хрисицичъ; Карповыхъ съ Камендантомъ; Гулемъ-Султанъ-Ханымъ-Ширинской съ Папахристовъ; Палаянской съ церк. Иоанна Богослова въ Смоленскѣ; упр. госуд. имущ. Минской губ. съ Демидовичъ; Мочульскаго съ Смоленско-Троицкимъ монастыр.; Мухина съ Васакавымъ; Стукаловой съ Алухтиннымъ; Ващенко съ Курдюковымъ; Стабровскаго съ Александровымъ; част. жал. Вандогиной.

Създовья: кн. Голицина съ Первушинымъ; Воровикасовъ съ Жеролисомъ; Вальчука и др. съ наследн. Ярошинскаго; Стрѣлковскаго съ Врочинскимъ; общ. д. Минькова съ Терлецкимъ; Кіевскаго общ. вспомош. ремесленн. сапожнаго мастерства съ Добровольскимъ; Марголина съ Олоте; Заленскаго съ Максимовой; Бохановскаго съ Бохановскимъ; опеки глухонѣмого Эйсымонта съ Обуховичъ; Вергѣя съ Вергѣемъ; Юципина съ Цѣнипою; Мордвинова съ Мордвиновой; Летковой съ упр. 2-мъ Измайл. удѣльн. имѣн.; Хлопона съ Тимаковымъ; Мурштейна съ гр. Красицкой; Ведораса съ Воарунасомъ; Гузедовой съ Подвысоцкой; Воренбойма съ Зильберфарбами; Инбера съ Матео; Кузьмина съ Кузьминнымъ; Таушека съ Новакомъ; Шнееръ съ Вобровымъ; части. жал. Манякаль.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

ПОСТУШИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Календарь Краснаго Креста на 1899 годъ.

Иллюстрированный художниками Самокишъ-Судковской, Каразинымъ и Изенбергомъ.

Цѣна 1 руб.